

© 2011 г. Н.В. ПЕРЦОВ, И.А. ПИЛЬЩИКОВ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ТЕКСТОЛОГИИ*

В статье детально обсуждаются основные принципы предлагаемой авторами текстологической концепции. Особое внимание уделено вопросу сохранения аутентичного режима правописания.

В настоящей работе излагается текстологическая концепция, ориентированная преимущественно на издания русской художественной классики XVIII–XX вв. Эта концепция имеет в виду подготовку изданий, рассчитанных на специалистов-гуманитариев (лингвистов, литературоведов, историков), которые стремятся постичь во всех тонкостях язык произведения и приблизиться к его тексту (и стоящему за ним смыслу), а не приблизить текст к современным языковым и общекультурным привычкам (ср. [М. Гаспаров 1979а; Шапир 2001: 47]). Сразу хотим подчеркнуть, что наша текстологическая концепция никоим образом не дискредитирует другие, нацеленные на издания иного типа, привычные для большинства филологов. Мы лишь настаиваем на правомерности и необходимости изданий того типа, о котором пойдет речь в нашей статье. Цель ее – не столько предложить практические эвристические решения для сложных текстологических ситуаций, сколько поставить и обсудить ряд важных для текстологии проблем.

Чтобы предотвратить возможное недоумение, необходимо сделать одно существенное замечание. В названии статьи говорится о лингвистических аспектах текстологии, между тем как принципы нашей концепции к одной лингвистике не сводятся. Дело в том, что в заглавии мы стремились подчеркнуть ту составляющую текстологической проблематики, которая в современной практике нередко недооценивается или вовсе игнорируется. Текстология имеет дело с продуктами языковой письменной деятельности человека; письменный язык, на котором написан подлежащий изучению и публикации текст, – это важнейший аспект существования последнего, а лингвистика является основной научной дисциплиной, изучающей естественный язык в его устной и письменной ипостасях. По нашему мнению, лингвистические аспекты текстологии составляют ее проблематику.

* Исследование выполнено при поддержке Европейского социального фонда (European social fund) по программе «Mobilitas» (проект MJD84) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00197).

За последние несколько лет (2007–2011) авторы выступали с докладами по тематике настоящей работы на конференциях и семинарах в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина (усадьба Вязёмы), МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, Тартуском университете, Доме-музее Ф.М. Достоевского в Старой Руссе. В ходе обсуждений по нашим докладам было высказано немало полезных для нас критических замечаний. При подготовке статьи мы постарались учесть поправки и соображения наших первых читателей: А.С. Бодровой, С.Г. Болотова, А.А. Добрицына, Б.Ф. Егорова, А.Ф. Журавлева, В.Н. Захарова, Д.Э. Кузовкина, А.М. Левашова, С.Е. Ляпина, И.С. Сидорова, С.В. Старкиной, Н.А. Тарасовой, М.В. Трунина, И.О. Шайтанова. При обсуждении нашего доклада на заседании Текстологической комиссии Пушкинского Дома (26 апреля 2010 г.) особенно значимыми были для нас замечания С.И. Николаева. Всех упомянутых лиц, а также не названных здесь участников дискуссий мы просим принять нашу искреннюю признательность.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕДЛАГАЕМОЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Главной задачей текстологического исследования произведения письменной культуры традиционно считается установление, во-первых, «эдиционного» текста произведения, то есть текста, подлежащего воспроизведению в научной публикации в качестве основного¹, и, во-вторых, дополнительных текстов, сопровождающих «эдиционный» в качестве его редакций и вариантов. Однако, как писал Д.С. Лихачев,

для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста – хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи [Лихачев 1964: 19–20].

Таким образом, текстология связана тесными узами с языком автора произведения и – шире – вообще с языком того времени, когда произведение было создано. Мы исходим именно из такой тесной связи текстологии произведения с языком автора и его эпохи. Основные принципы нашей концепции таковы:

(1) неукоснительное сохранение аутентичного режима правописания, то есть той системы правописания, в которой текст был создан;

(2) отказ от «селекции текста», то есть произвольной контаминации разных источников и вариантов текста в соответствии со вкусовыми и идеологическими предпочтениями исследователя;

(3) необходимость подробного и тщательного текстологического комментирования и обоснования выбора основных вариантов при установлении аутентичного текста (особенно в спорных случаях);

(4) необходимость точной подачи источников текста (как рукописных, так и печатных), причем не только в дипломатических, но и в критических изданиях;

(5) отказ от принципа единственности («каноничности») эдиционного текста и допустимость текстологически равновероятных вариантов (то есть такой ситуации, которую предлагается именовать «текстологической неопределенностью»).

Обсудим эти принципы.

1.1. Сохранение аутентичного режима правописания

В отечественной текстологии лингвистическая составляющая занимает весьма скромное место. Прежде всего это выражается в нигилистическом отношении к режиму правописания, в котором произведение создано, и в оправдании модернизации орфографии и пунктуации даже в изданиях сугубо научного характера. Иногда допускается модернизация не только правописания, но и тех особенностей языка, которые к нему не сводятся. Обратимся к примеру.

В первой (так называемой рукописной «михайловской») редакции «Бориса Годунова» (1825) в сцене «Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ» лексема ИГУМЕНЪ представлена в косвенных падежах с гласной *e* (как и в современном языке): «<...> А грозный Царь Игуменомъ смирейымъ»²; «Онъ говорилъ Игумену и братьи: <...>» [ПД № 891: л. 9, 9 об.]. В единственной прижизненной публикации пьесы (1831) соответствующе-

¹ Под «основным» мы здесь и далее имеем в виду тот текст, который в издании помещается первым. Мы отнюдь не настаиваем на том, что такой текст во *всех* его фрагментах имеет какое-то явное и безусловное преимущество перед дополнительными (см. раздел 1.5 о ситуациях текстологической неопределенности).

² Первая буква в четвертой словоформе читается неясно: то ли *И* прописное, то ли *и* строчное. Чертой над согласной Пушкин обозначал удвоение буквы.

щие строки были переделаны: «<...> А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ»; «Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ: <...>» [Пушкин 1831: 19; Винокур 1935: 428–429]. В одной из заметок Болдинской осени 1830 года Пушкин – незадолго до выхода «Бориса Годунова» – отметил это среди тех «5 грамматических ошибок», которые он исправил в своих текстах под влиянием критических замечаний [Пушкин 1937–1949, т. 11: 148]; то есть тем самым он считал неправильными «полновокальные» косвенно-падежные формы этого слова. Пушкин заблуждался: такой ригоризм не отвечал языковой реальности того времени, поскольку для слова ИГУМЕНЪ в косвенных падежах имела место вариантность форм, о чем свидетельствует, например, словарная статья в первом издании «Словаря Академии Российской»: «ИГУМЕНЪ, мна, мена. с. м. Греч. Настоятель, начальникъ въ монастырѣ мужескомъ, саномъ ниже Архимандрита» [САР III: стб. 202]. Допустимы были оба варианта, и поэтому приведенные исходные версии двух строк можно было и не менять. В Большом академическом издании исправления Пушкина, пусть и сделанные на основе заблуждения автора, были проигнорированы, и указанные строки даны в основном тексте не по прижизненному изданию, а по рукописной «михайловской» редакции. В связи с этим возникла полемика между В.И. Чернышевым и Г.О. Винокуром: первый справедливо отмечал языковую правильность вариантов этих строк в прижизненном издании, второй настаивал на том, что Пушкин якобы «испортил» строки ненужными поправками [Чернышев 1941: 453–456; Винокур 1935: 431–432; 1941: 489; Пушкин 2008: 239–240]. Думается, печатные варианты – без гласной *e* – не лучше и не хуже рукописных; но дело вовсе не в эстетическом качестве этих строк. Печатные варианты отвечают литературному языковому узусу того времени, в них нет языковой ошибки; при этом автор подтвердил свой выбор в критической заметке (пусть и не опубликованной при его жизни). В данном случае игнорирование авторского выбора представляется едва ли не текстологическим самоуправством, в котором, вероятно, немалую роль играло желание приблизить звучание строк к современному, то есть модернизировать текст.

Если модернизация подчас охватывает факты, связанные со звуковой ипостасью языка (как в приведенном примере: ведь формы *Игумену* и *Игумну* различаются фонетически), то что же говорить о модернизации правописания? В отечественной текстологии графическая, письменная ипостась языка нередко считается чисто внешней его оболочкой; со времени статьи акад. Н.С. Державина долго превалировала тенденция резко «разводить» язык писателя и орфографию, в которую «писатель втискивает поневоле свой язык» [Державин 1920: 15]. Со второй половины 30-х до начала 80-х годов минувшего века господствовало нигилистическое отношение к воспроизведению классических текстов в исходном режиме правописания и считалась самоочевидной целесообразность модернизации письменной формы старых источников и нахождения для старых орфограмм и пунктограмм эквивалентов, удовлетворяющих современным нормам. При этом полагалось вполне правомерным выборочное сохранение орфографических и пунктуационных особенностей текста, что в ряде случаев приводит к своего рода стилистической «какофонии». Между тем особенности правописания могут быть в тех или иных ситуациях «мобилизованы» авторской волей.

Более сорока лет назад В.П. Григорьев в проблемной статье «Язык, орфография и писатель» на ярких примерах из Блока, Хлебникова, Маяковского, Сельвинского, Багрицкого, Кирсанова, Вознесенского и других убедительно продемонстрировал значимость правописания в поэтическом тексте [Григорьев 1966]. Он показал, что поэты могут весьма активно использовать выразительные возможности графики, орфографии и пунктуации (ср. также [Григорьев 1979: 264–265, 291–294; Векшин 2006: 40–50]). В последующем движении русской поэзии эта тенденция получила дальнейшее развитие: поэты все чаще экспериментируют с графическим материалом, вносят в текст индивидуальные написания, отходят от обычных условностей поэтического письма, в результате чего стихотворная речь нередко оказывается ориентированной не только на слуховое, но и на зрительное восприятие.

В последние десятилетия ситуация в текстологии начала постепенно меняться. В 1981 г. появилась программная статья Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого и Б.А. Успенского, в которой была продемонстрирована значимость некоторых особенностей правописания для литературных текстов XVIII века и была поставлена проблема более широкого учета этих особенностей при публикации литературных памятников того времени и более сдержанной модернизации правописания, чем практиковалось ранее [Лотман и др. 1981]. Сформулированные в этой статье принципы были реализованы в 1984 г. при публикации Лотманом и Успенским «Писем русского путешественника» Карамзина в академической серии «Литературные памятники». При этом орфография подлинника все же подверглась существенной модернизации: были заменены упраздненные буквы, устранен конечный *ep*, окончание род. пад. ед. числа прилагательных *-ого/-яго* везде заменено на *-ого/-его* и др. М.Л. Гаспаров, принявший в качестве члена редколлегии указанной серии участие в обсуждении этих принципов, писал, что «они – программным минимумом теоретической текстологии, и если все или почти все существующие издания русских классиков держатся “ниже минимума”, то тем хуже для них <то есть изданий. – Н. П., И. П.>» [М. Гаспаров 1979б: л. 1 об.].

Свою текстологическую позицию Ю.М. Лотман резюмировал в письме к Б.Ф. Егорову от 15 октября 1979 г.: «В XVIII в. графика, орфография, пунктуация – не формальные, отделенные от текста аспекты, а органическая часть смыслового и стилистического целого» [Лотман 1997: 283–284] (ср. также [Лихачев 1983: 128–129]). В дальнейшем этот тезис был распространен и на позднейшую эпоху: в 1987 г. Лотман в статье «К проблеме нового академического издания Пушкина» ратовал также за сохранение Пушкинского правописания, за вычетом «чисто технических» преобразований типа вышеупомянутых [Лотман 1987].

В 1980-х годах И.О. Шайтанов в издании произведений Батюшкова [Батюшков 1987] и в книге [Шайтанов 1989] говорил о необходимости восстановить какие-то элементы орфографии, в которой создавались старинные тексты. В частности, он совершенно справедливо настаивал на сохранении прописных букв в таких случаях, как, скажем, название стихотворения «Мой Гений»: «<...> для Батюшкова Гений – персонаж мифологический, тот дух, который, по представлениям древних, сопровождает человека в течение всей его жизни, охраняет его» [Шайтанов 1987: 7]. Это касается вообще написаний в текстах XVIII–XIX вв. мифологических имен (*Гений, Музы, Хариты* и т. п.) с прописной буквы [Батюшков 1987: 302]. И.О. Шайтанов и другие исследователи Батюшкова приводили примеры вопиющего нарушения смысла в случае выправления исходных написаний прямопадежных³ прилагательных муж. рода ед. числа, когда окончание *-ой* в них заменялось современным *-ый* [Шайтанов 1987: 7]⁴. Так, в строках Батюшкова: «Величественъ сей понть! Лазурной царь пустыни, / О солнце! Чудно ты среди небесных чудъ» [Батюшков 1887: 296] – прилагательное *лазурной* в большинстве изданий советского времени печаталось с нелепым окончанием *-ый*, так что лазурным оказывалось солнце, а не пустыня неба. «Эта текстологическая ошибка возникла в связи с переводом на новую орфографию прилагательных со старинной формой окончания именительного падежа» [Семенко 1977: 576]. Другой пример: в катрене из «Моего Гения» – «Моей па-

³ Прямопадежной мы называем либо форму им. падежа, либо такую форму вин. падежа, которая внешне совпадает с формой им. падежа той же лексемы.

⁴ Впрочем, в издании Батюшкова, подготовленном И.О. Шайтановым, исправлены не все случаи такого рода. Например, в переводе из Тассова «Освобожденного Иерусалима» об одном из военачальников христианского войска говорится, что этот «вождь мудрости избранной <то есть ‘исключительной мудрости, исключительного ума’> / Четыреста мужей ведет на подвиг бранной» [Батюшков 1808: 71]; однако все критические издания, начиная с юбилейного, вышедшего в 1887 г. под редакцией Л.Н. Майкова, печатают «вождь мудрости избранный» (с рифмой «на подвиг бранный»). Это дефектное чтение не только не соотносится с итальянским оригиналом, но и не имеет смысла: словосочетание «вождь мудрости» не поддается никакой интерпретации [Пильщиков 1997: 28, 51 примеч. 68; 2003: 43 примеч. 198].

штушки несравненной / Я помню весь наряд простой, / И образ милой, незабвенной, / Повсюду странствует со мной» [Батюшков 1817: 46] – третья строка передается в некоторых изданиях «И образ милый, незабвенный» – а в этой строке в дореформенной орфографии мы имеем неоднозначность (эпитеты либо относятся как прилагательные к слову *образ*, либо представляют собой субстантивированные прилагательные жен. рода ед. числа род. пад.) – эта неоднозначность жестко снимается при переходе от *-ой* к *-ый*. Шайтанов пишет: «<...> старые поэты писали по старой орфографии, и, исправляя их стихи, мы порой уничтожаем рифмы, искажаем смысл или, по крайней мере, не замечаем чего-то важного» [Шайтанов 1987: 7; 1989: 161]. Однако, высказав эти замечания, И.О. Шайтанов, как и многие другие, не сделал решительного шага и не счел нужным перейти к воспроизведению старого правописания во всей полноте.

В 1990-е годы инициатива упомянутых исследователей была поддержана некоторыми другими – например, В.Е. Холшевниковым [Холшевников 1996], В. Лефельдтом [Лефельдт 1998], Б.М. Гаспаровым [Б. Гаспаров 2001]. На страницах журнала «Новое литературное обозрение» на рубеже двух веков развернулась оживленная дискуссия по вопросам авторского правописания в связи со статьями В. Лефельдта и Б.М. Гаспарова (первому возражал В.Э. Вацуро, а второму – М.В. Строганов и С.А. Фомичев [Вацуро 1999; Строганов 2002; Фомичев 2002]).

В 1990–2000-х годах М.И. Шапир поставил вопрос более кардинально: в серии работ, преимущественно на примерах текстов Пушкина, он ярко и убедительно продемонстрировал, что всякая модернизация орфографии (в том числе чисто графическая, внешне «техническая») неизбежно влечет искажения в семантике, прагматике и поэтике художественного текста, лишает его исторической достоверности [Шапир 1994; 1999; 2001; 2002а; 2002б; Пильщиков 2004]⁵. Свою текстологическую концепцию Шапир реализовал совместно с одним из авторов настоящей статьи в издании баллады «Тень Баркова» [Пушкин 2002]⁶.

Тем самым в 1980–2000-е годы наметился определенный сдвиг в сторону приятия изданий классических текстов в аутентичном правописании. Появились фототипические издания классических произведений: в частности, вышли «Евгений Онегин» 1837 года (дважды), «Руслан и Людмила» 1820 года, «Повести Белкина» 1831 года (последние – с сопроводительными комментариями и статьями). В 1987 г. были фототипически переизданы все четыре тома Пушкинского «Современника», сопровождавшиеся пятым томом со вступительной статьей и комментариями (которые, впрочем, не касались ни текстологических, ни лингвистических сторон издания). Помимо фототипических изданий, начали появляться научно-критические издания классических авторов, сохраняющие дореформенную орфографию и пунктуацию. В Петрозаводском государственном университете под руководством профессора В.Н. Захарова выходит собрание сочинений Достоевского, строго сохраняющее правописание источников и снабжающее основной текст произведений подробными вариантами [Достоевский 1995–2010]. В Петрозаводске вообще ведется активная работа по электронному изданию текстов в оригинальном правописании, отражаемая на сайте кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета (www.philolog.ru). Аутентичное правописание сохраняется во всех публикациях Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (feb-web.ru) и в ряде других сетевых библиотек. В 2002 г. вышли две книги (том 1-й и часть 1-я тома 2-го) собрания сочинений Баратынского под общей редакцией А.М. Пескова – в них воспроизведено правописание источников, а тексты снабжены подробными текстологическими и лингвистическими комментариями [Баратынский 2002]. В подготовке первого тома самое деятельное

⁵ Основные работы этой серии собраны в разделе «Текстология» посмертного издания [Шапир 2009].

⁶ Даже противники авторства Пушкина, которое нам представляется несомненным, вряд ли станут отрицать определенную значимость этого текста в культуре того времени, сколь бы он ни был скабрёзен.

участие принял И.А. Пильщиков, и это издание наиболее близко к текстологической концепции настоящей статьи⁷. Наконец, в 2007 и 2008 гг. в рамках российско-американского проекта были выпущены две книги с фототипическими воспроизведениями прижизненных изданий Пушкина: это «Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая» 1835 года (готовится издание Части второй) и прижизненный «Борис Годунов» 1831 года [Пушкин 2007; 2008]; оба тома снабжены обширными историко-литературными очерками и детальными построчными комментариями. Правда, текстология и лингвистика в обеих книгах этого проекта представлены лишь выборочно (и в общем довольно скудно) – это обстоятельство осознается самими редакторами издания и специально отмечено в предуведомлении «От комментаторов» к первому выпуску [Пушкин 2007: 9]⁸.

Функциональная нагруженность старого правописания, ввиду особой важности его сохранения в научных изданиях, будет более подробно освещена в нашей статье далее – в разделе II.

1.2. Отказ от «селекции текста»

В аутентичном тексте не должна допускаться произвольная (то есть осуществляемая в соответствии с эстетическим вкусом или идеологическими пристрастиями текстолога) контаминация фрагментов, взятых из разных источников (ср. [Прохоров 1966: 58; Крайнева, Филатова 2008: 362]). Такой метод подбора основного текста и его вариантов получил в свое время наименование «селекция текста» [Винокур 1927: 85–109]. О непозволительности подобной селекции так писал в свое время Д.С. Лихачев:

Совершенно недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском облике, должны быть решительно отвергнуты. Поэтому особенное значение при наличии нескольких текстов произведения приобретает выбор основного списка для издания [Лихачев 1964: 85].

Исключением из этого правила являются ситуации, когда ни один из списков не восходит напрямую к автографу и не может претендовать на аутентичность – именно так, например, обстоит дело с той же «Тенью Баркова». В подобных случаях текстологу по необходимости приходится идти на контаминацию [Пушкин 2002: 25–30].

Как станет ясно из последующей характеристики ситуаций текстологической неопределенности (см. раздел 1.5), не во всех случаях выбор основного и вариантных текстов произведения может быть обоснован с высокой степенью точности. Здесь допустима аналогия с хронологической привязкой того или иного историко-литературного или бытового факта: даже для «точечного» события, ограниченного, допустим, пределами одного-двух дней, нередко приходится указывать достаточно обширный временной интервал или набор допустимых дат. Аналогичным образом приходится признавать, что в том или ином текстологическом казусе у нас нет возможности с полной определенностью указать основной текст и его варианты; в таком случае допустима неоднозначность в подаче того и других. Важно допускать научную правомерность существования в культурном сознании того, что можно было бы назвать «**текстовым ореолом**» литературного произведения. В текстовом ореоле могут закрепляться не только тексты, появившиеся в печати при жизни автора или относящиеся к беловым рукописям с малым

---

⁷ К настоящему времени в печать сдана 1-я часть 3-го тома этого собрания. Текстологические принципы издания обоснованы в кандидатской диссертации одного из редакторов тома [Бодрова 2010].

⁸ Отметим также огорчительный разбой в орфографическом режиме указанного проекта: в первой книге рукописные и печатные варианты текстов поэм, разрозненно приводимые в комментариях, даны в исходном правописании; во второй же – правописание полностью приводимой рукописной «михайловской» редакции «Бориса Годунова» модернизировано, что противоречит самому духу проекта.

числом поправок, но и текстологически вторичные фрагменты, то есть черновые тексты или тексты, отвергнутые автором и не пропущенные им в печать. При этом текстологически вторичные фрагменты могут быть весьма важны как по эстетическим достоинствам, так и по их значимости для истории культуры⁹.

Таким образом, понятие «текстового ореола» сближается с понятием «авантекста» во французской генетической критике [Дмитриева 1999а; 1999б]. Термин «l'avant-texte» (буквально «пред-текст») обозначает «совокупность материалов, предшествующих законченному произведению (разные редакции, черновые рукописи, наброски, планы и т. п., составляющие его “генетическое досье”») [Неклюдов 2001: 3]. Однако в предлагаемом нами терминологическом словосочетании не содержится идея предшествования (равно как и вообще идея расположения текстов во времени): в текстовый ореол – в нашем понимании – могут входить и разного рода попытки автора продолжить или завершить уже опубликованное произведение или, скажем, его отдельные письменные (например, в эпистолярии) или устные (в передаче современников) указания об изменении тех или иных фрагментов уже опубликованного текста. Тем самым наше понятие текстового ореола включает и «пред-текст» («l'avant-texte»), и «после-текст». Мы не настаиваем на удачности термина «текстовый ореол», однако соответствующее понятие должно быть введено в текстологический обиход – для него можно было бы предложить и какой-нибудь другой термин (например – «циркумтекст»).

Тем самым становится ясна уязвимость столь распространенного некогда в отечественной текстологии понятия «канонический текст» (см. [Гофман 1922а: 47, 48, 155 и др.; 1922б: 345–346 и др.; Берков 1963а: 89; Рейсер 1970: 123–124; Прохоров 1982: 27–36; Гришунин 1998: 26, 296, 308])¹⁰. Мы полагаем, что в сложных случаях основной текст произведения может быть выбран неоднозначным образом и что в разных научных изданиях произведения могут быть разные основные тексты. Существенно при этом наличие строгих указаний, описывающих соответствующую текстологическую ситуацию. Мы не можем согласиться с общепринятым положением о том, что «текстология новой литературы твердо признает лишь один основной текст» [Рейсер 1970: 91], и уже тем более считать «непреложность принципа идентичности текста произведения для разного типа изданий» «главным положением текстологической науки» [Крайнева, Филатова 2008: 357]. Издания, предназначенные для массового читателя или для школы, опираясь на научные, вполне могут и не следовать жестко за ними (например, восстанавливать исключенные автором места; желательнее при этом все же сообщать читателю о том, что в подлинном тексте в соответствующем месте имеется пропуск).

1.3. Подробное текстологическое комментирование и обоснование выбора основных вариантов при установлении аутентичного текста

В научном издании, ориентированном на специалиста-филолога, аутентичный, исторически достоверный текст должен быть снабжен комментаторским текстологическим сопровождением – и вообще должен рассматриваться в паре с последним [Пильщиков 2006а; 2006б: 269–274; 2008]. Дефиниция понятия «аутентичный текст» должна включать следующие компоненты:

(1) Текст должен сохранять графику и режим правописания исходного источника (или источников).

---

⁹ Если обратиться к текстологии Пушкина, примеров такого рода множество: таковы, например, многие не попавшие в печать строфы «Евгения Онегина», или оставшиеся в рукописи строфы окончания стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), или целый рой «стихovedческих» октав из Белового автографа с поправками «Домика в Коломне», оставленных автором вне печати, и многое другое.

¹⁰ Небезупречным представляется также терминологическое отождествление «канонического» текста с «аутентичным» и/или «авторским» [ОТ 1962: 281–287; Прохоров 1966: 54–57; Захаров 2009: 18]. Прилагательное *канонический* наследует от существительного *канон* значение непреложности и твердой установленности чего-либо; между тем в случае аутентичного и авторского текста дело нередко обстоит вовсе не так.

(2) В нем должны быть устранены опечатки и иные погрешности печатного источника, возникшие вследствие недосмотра автора и других лиц, причастных к прижизненному изданию источника; при этом в комментаторском текстологическом сопровождении должны неукоснительно отмечаться все изъяны текста источника, включая чисто технические¹¹.

(3) В комментаторском текстологическом сопровождении варианты разных источников в текстологически проблемных местах должны быть тщательно инвентаризованы и по возможности ранжированы по их вероятности¹².

(4) Должен быть обоснован выбор вариантов для основного текста, за исключением случаев равновероятных вариантов, когда текстологу приходится осуществлять выбор, опираясь не на строго научные соображения, а на эстетическую значимость, традицию или что-то другое – это как раз те ситуации, которые подводятся нами под рубрику «текстологической неопределенности» (см. раздел 1.5).

(5) В аутентичном тексте должны быть сохранены авторские купюры и замены (например, замены собственных имен астрономами или сокращениями – типа «Второй ***, мой Евгений», «Что там уж ждет его ***», «Какъ Д. пьяный на пиру») – с соответствующими разъяснениями в комментарии (ср. [Прохоров 1966: 61–62; Шапир 2002б: 6–9]). Если в отношении цензурных купюр и замен необходимо тщательное взвешивание всех привходящих обстоятельств (ведь иногда под давлением цензуры автор создает эстетически более совершенный текст), то купюры и замены, вызванные причинами сугубо личного или эстетического характера, текстолог должен в основном тексте сохранять неукоснительно, давая в комментариях соответствующие разъяснения и раскрывая там же сокращения или астрономы¹³.

Если принять такое понимание аутентичного текста, то придется признать, что для значительной части произведений русской классики аутентичных, научно фундированных текстов просто нет.

1.4. Точная подача источников текста

Этот принцип представляется тривиальным, однако реально он выполняется в текстологии отнюдь не всегда. Подчеркнем, что в рамках настоящей статьи мы не имеем в виду документально точное воспроизведение источника, хотя и такая его подача представляется очень важной и нужной для текстолога, в частности – подача текста в виде фотоконии. Фототипическое издание произведения ценно прежде всего как воспроизведение источника, во многом избавляющее исследователя от необходимости обращаться в библиотеки и архивы для ознакомления с оригиналом. Однако, парадоксальным образом, дипломатически точное воспроизведение текста может исказить авторскую позицию и авторский замысел, а потому обладает лишь ограниченной текстологической ценностью.

---

¹¹ Фиксация чисто технических изъянов (типа опечаток или описок) нужна хотя бы потому, что таким образом сохраняются сведения об источнике на случай его утраты или порчи, от чего мы никогда не можем быть застрахованы.

¹² Еще Б.В. Томашевский писал, что в текстологии (как и в гуманитарных науках в целом) «мы редко имеем дело с суждениями достоверными, а по большей части только с более или менее *вероятными*», поэтому филологу следует «руководствоваться принципом разыскания наиболее вероятного, а не абсолютно достоверного» [Томашевский 1928: 152; ср. 1925: 68–69].

¹³ Ср. несколько иную точку зрения: «<...> на страницах научных пушкинских изданий сохранение звездочек взамен имен собственных возможно в двух случаях: во-первых, при наличии каких-то сомнений относительно их раскрытия, а во-вторых, когда приходится учитывать принципиальную установку автора на полисемантизм его умолчаний» [Березкина 2004: 151]. Однако помимо установки на многозначность имеются и другие эстетические установки; в любом случае, замененные астерисками, но однозначно подразумеваемое имя как элемент поэтического дискурса и эстетический факт не равно тому же имени, прямо названному в тексте.

Действительно, даже в самом авторитетном исходном печатном источнике могут быть разного рода изъяны: опечатки и иные погрешности, возникшие вследствие недосмотра автора и других лиц, имевших отношение к изданию (писаря, редактора, наборщика или корректора, которые могут случайно «подставить» ошибочное слово вместо правильного; доверенного лица, которому автор поручил следить за исправностью текста; и т. д.). Исправляя такого рода погрешности, мы отнюдь не нарушаем творческую волю автора – наоборот, мы действуем как бы в согласии с ней. В известном смысле текст с исправленными техническими погрешностями становится в большей мере исторически достоверным, чем исходный [Гришунин 1998: 308]. Наконец, в источнике могут быть фрагменты, очевидным образом «навязанные» автору внешними обстоятельствами, из которых основным фактором следует признать цензурное давление. Не будем сейчас останавливаться на сложном вопросе о том, все ли цензурно обусловленные варианты должны непременно заменяться на неподцензурные: иногда замена, выглядящая как цензурно обусловленная, приводит к эстетически более качественному варианту, который тем самым становится для автора более значимым; в подобных случаях необходим тщательный анализ всех приводящих обстоятельств и факторов.

1.5. Отказ от принципа «каноничности» эдиционного текста. Ситуация текстологической неопределенности

Здесь хотелось бы рассмотреть уже упоминавшийся феномен, которому в текстологии не уделяется достаточного внимания: это **текстологическая неопределенность**, то есть невозможность с абсолютной точностью, основываясь на строгих научных доводах, обосновать выбор основного текста или его неокончательных вариантов. В первом случае мы имеем дело с эдиционной текстологической неопределенностью, во втором – с вариантной.

В текстологии есть понятие «дефинитивный текст» – текст, признаваемый на момент издания наиболее точным и окончательным [Измайлов 1979: 10]. Сама эта формулировка предполагает, что для любого произведения можно точно обосновать некоторый единственный текст, который должен предстать перед читателем в научном издании и служить безусловным образцом для изданий, рассчитанных на массового читателя. Распространено мнение, что научное исследование всех печатных и рукописных источников произведения должно иметь целью строгое обоснование дефинитивного текста и что оно во всех случаях может приводить к установлению такого текста.

Действительно, нередко свод источников произведения позволяет установить такой подлинно дефинитивный текст. Это бывает и в тех случаях, когда таких источников много, и в тех, когда их мало. Надо сказать, что при скудости источников проблема дефинитивного текста может решаться гораздо проще, чем при их изобилии. Например, такое бывает в случае единственной авторитетной прижизненной публикации произведения при отсутствии в ней каких-либо ошибок и отсутствии рукописных источников. Следует заметить, что и в этом случае принять такую публикацию в качестве основы дефинитивного текста нельзя без учета всех других имеющихся факторов, например, эпистолярных свидетельств, дневников, факторов цензурного давления и других. Таким образом, при всей ценности понятия «дефинитивный текст» следует все же признать, что в ряде случаев его установление может быть в той или иной мере условным.

Когда для установления основного текста мы не можем опираться на достаточно надежные научные соображения, приходится привлекать соображения другого рода – или эстетические, или основанные на традиции, или какие-либо другие. Такое возникает, скажем, в том случае, когда произведение не было опубликовано при жизни автора, а рукописные источники не позволяют с полной определенностью установить последние варианты тех или иных мест, выявить относительно последних окончательное творческое решение автора. Ситуацию такого рода неопределенности, не позволяющую с высокой точностью обосновать для представления в издании один какой-либо вариант

из имеющихся в источниках, можно назвать **эдиционной текстологической неопределенностью**.

Такова, по нашему мнению, текстологическая ситуация с Пушкинским «Медным Всадником», точнее – с фрагментом из первой части, связанным с ночным внутренним монологом Евгения, оформленным как его прямая речь [Измайлов 1978: 240–241]. Как известно, при жизни автора поэма не была опубликована. В черновых рукописях поэмы [ПД № 845, 839] имеются наброски этого монолога. В двух беловых автографах – Болдинском [ПД № 964] и Цензурном [ПД № 966] – мы встречаем близкие его редакции. В Писарской копии [ПД № 967], заказанной Пушкиным летом 1836 года, когда он попытался учесть замечания «высочайшего цензора» и все-таки напечатать поэму, указанный монолог уверенно перечеркнут автором без замены, а рядом рукою поэта сделаны отдельные коррективы, позволяющие исключить монолог из текста поэмы [Пушкин 1978: 76–78]. Опираясь на последнюю по времени авторизованную копию, казалось бы, можно уверенно печатать поэму без внутреннего монолога Евгения. Однако дело осложняется тем, что в рукописном наследии Пушкина мы располагаем листом [ПД № 968], на котором этот монолог имеется – с очень небольшими исправлениями и без последних трех строк, которые предположительно могут быть восстановлены по Писарской копии [Бонди 1950].

Работа Пушкиным завершена не была; по-видимому, в 1836 году, поняв, что ему пока не удастся приспособить текст к требованиям Николая I, поэт решил отложить поэму в долгий ящик в ожидании лучших времен (возможно, он вспомнил свой успешный издательский опыт, связанный с «Борисом Годуновым», сначала задержанным царем, а потом – спустя три с половиной года – разрешенным к печати «под личную ответственность» автора). По нашему мнению, вопрос о включении / невключении монолога Евгения из отдельного листка в эдиционный основной текст поэмы не может быть строго научно обоснован (по крайней мере, пока не будет установлена более точная датировка заполнения листка) и являет собой случай эдиционной текстологической неопределенности. Мы склоняемся к помещению этого монолога в основном тексте (как это делается в большинстве изданий начиная с середины прошлого века) и к отражению в комментарии данного текстологического казуса; но мы не стали бы критиковать научное издание, в котором это место было бы напечатано строго по Писарской копии без монолога и при этом в комментарии обсуждаемая ситуация текстологической неопределенности была бы освещена в полном объеме.

Бывает текстологическая неопределенность другого рода – неопределенность установления промежуточных вариантов того или иного фрагмента текста. Допустим такую ситуацию (вполне обычную): во фрагменте рукописи имеется более одного зачеркивания, при этом исходный и окончательный варианты видны совершенно отчетливо; исходный записан на основной полосе строки, окончательный же вариант прочитывается как верхний, незачеркнутый слой. Однако последовательность зачеркиваний с полной определенностью установлена быть не может, это не выявляется ни цветом, оставленным пишущим средством, ни особенностями почерка. Рассмотрим схематически самый простой случай:

С   D
A.....B

В стихотворной строке зачеркнуты слова А и В, причем А заменено на С, В заменено на D, причем С и D надписаны над соответствующими словами. Таким образом, исходный вариант А + В и окончательный вариант С + D устанавливаются точно. Однако если гипотетические промежуточные варианты А + D и С + В не нарушают ни ритма, ни смысла, мы не можем сказать ничего определенного относительно их релевантности для анализируемой черновой рукописи. Если автор зачеркнул оба исходных слова А и В одно за другим и сразу непосредственно над ними надписал новые варианты С и D, тогда ни один из двух гипотетических вариантов не релевантен, ни один из них автор не рассматривал в качестве возможного. Но могло быть и по-другому: скажем,

автор заменил А на С и в какой-то момент рассматривал вариант С + В, а замену В на D произвел после этого; или же сначала была произведена эта последняя замена, а потом первая. Ясно лишь одно: эти два гипотетических варианта не могут быть оба релевантны для соответствующего фрагмента. Описанную ситуацию неопределенности установления промежуточных черновых вариантов можно назвать ситуацией **вариантной текстологической неопределенности**.

Нам не известны работы по текстологии, в которых скрупулезно исследовался бы феномен текстологической неопределенности. В академических изданиях явно недостаточное внимание уделяется текстологическому комментированию, подчас не обособывается выбор текста, подаваемого в качестве основного, не анализируются ситуации эдиционной неопределенности и не указываются случаи вариантной. (Во всяком случае, так обстоит дело в академических изданиях Пушкина.) Нет и текстологической нотации, необходимой для экспликации вариантной неопределенности.

В качестве такой нотации можно предложить следующее. Варианты, заполняющие одну и ту же позицию в тексте, заключаются в фигурные скобки и разделяются вертикальными чертами; тогда описанная выше простейшая схема замен А на С и В на D будет записываться так:

... { A | C } ..... { B | D } ...

Обратимся к примерам вариантной текстологической неопределенности.

В рукописи Пушкинского «Домика в Коломне», которую принято называть «Беловой автограф с поправками» [ПД № 915], занимающей 17 страниц и содержащей 57 октав (455 стихотворных строк), обнаруживается более 20 случаев вариантной текстологической неопределенности, относительно которых Большое академическое издание указывает без каких-либо оговорок промежуточные варианты [Пушкин 1948, т. 5: 371–386]. Между тем для этого, как нам представляется, в упомянутых случаях оснований нет.

Рассмотрим в качестве примера транскрипцию третьей строфы в Беловом автографе с поправками [ПД № 915: л. 1]¹⁴:

III

	Не_стану ихъ надменно браковать	дождавшихъ
	щастливыхъ отъ	добившихся
	Какъ рекрутовъ за_ростъ_иль_за_увѣчья	
	да Какъ лошадей, шерсть ихъ или	
Иль	Или_коней за ихъ плохую статью,	
А_подбирать	~~принимать~~ вербовать союз<ы>	частицы союзы
А	набирать	причастья да нарѣчья.
	вежкой	вербую
	Изь ~~мылкой~~ сволочи ебираю рать –	
	Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,	
		бужва слогъ – и
	Хоть весь словарь ; что рифма, то_солдаты.	
		У насъ вѣдь
	Всѣ годны въ строй. ~~Октава~~ не парадь.	

В третьей строке исходный фрагмент на основной полосе строки, в ее начале «Или коней» имеет такие варианты, записанные рядом с ним: «Какъ лошадей», «Да лошадей», «Иль лошадей», причем указанная последовательность их записи в данном случае устанавливается в общем достаточно определенно. Другой фрагмент строки – «ихъ плохую» – заменен на такой: «шерсть ихъ или». Ясно, что мы можем с высокой степе-

¹⁴ Подчеркивание пробела между словами означает их слитное написание в рукописи: «Не_стану»; «А_подбирать»; «то_солдаты».

нюю вероятности фиксировать исходный вариант строки – «Или коней за их плохую статью,» – и ее результирующий вид, получающийся как верхний слой рукописи, то есть то, что остается в ней незачеркнутым – «Иль лошадей за шерсть их или статью,». Однако выявить с полной определенностью последовательность зачеркиваний и замен в этой строке нам не представляется возможным, и поэтому промежуточные варианты строки точно не устанавливаются.

Предлагаемая нами текстологическая запись этой третьей строки такова:

{ [Или коней] | [Какъ] лошадей, | [Да] лошадей, | Иль лошадей, } за { [ихъ] [плохую] | шерсть их или } статью,

Здесь варианты фрагмента разделяются вертикальными чертами, а фигурные скобки ограничивают то, что относится к фрагменту; квадратные скобки, как это и принято в современной отечественной текстологии, отмечают зачеркивания.

Аналогичным образом можно представить текстологическую запись следующих двух строк – четвертой и пятой¹⁵:

А { [набиратьъ] | [принимать] | [вербовать] | подбиратьъ } { [причастья] | [союз<ы>] | [частицы] | союзы } да нарѣчья.

Изъ { [мѣлкой] | [всякой] } сволочи { собираю | вербую } рать –

Хотя с установлением окончательного варианта по рукописям обычно сложностей не бывает – как правило, это верхний незачеркнутый слой, – исходный вариант иногда устанавливается все-таки предположительно, ибо автор мог, не дописав еще строки, зачеркнуть и заменить ее начальный фрагмент.

Особенно явно текстологическая неопределенность обнаруживается при сопоставлении коррекций, относящихся к разным строкам – а тем более к разным строкам. У нас нет уверенности, что поэт сначала записал третью строфу «Домика в Коломне» без поправок – и только потом стал ее править. А в разделах «Другие редакции и варианты» многих научных изданий такие варианты приводятся без каких-либо указаний по поводу их гипотетичности – так, как если бы относительно них все было абсолютно ясно.

Следует оговориться: предлагаемые приемы текстологической нотации (их сводный список см. в приложении к настоящей статье) не призваны решить старую антинормию «транскрипция vs. послышное воспроизведение вариантов» [Томашевский 1925: 45–50; 1928: 145–149; Бонди 1937; Рейсер 1970: 154–159]. Представление о взаимоисключающем характере этих подходов неверно. Не нужно видеть в транскрипции лишь технический прием, «строительные леса», которые текстолог отбрасывает после использования, переходя к послышному чтению (расслоению вариантов). Идеальное научное издание должно включать в себя серию представлений одного и того же рукописного источника: факсимиле, транскрипция, послышная реконструкция (с учетом ситуаций текстологической неопределенности), критический текст. Ясно, что степень гипотетичности текста возрастает при переходе к каждому следующему уровню представления, и это неизбежно; важно, однако, чтобы в научном издании каждый шаг этого перехода был документирован.

---

¹⁵ Штриховое подчеркивание означает авторское возвращение к тому варианту, который в рукописи был первоначально зачеркнут (обычно такое возвращение и отмечается в рукописи штриховым или сплошным подчеркиванием); в угловые скобки заключаются конъектуры (то есть то, что восстанавливается по рукописи предположительно). Подробнее см. приложение о текстологической нотации в конце статьи.

II. РЕЖИМ ПРАВОПИСАНИЯ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ¹⁶

Остановимся более подробно на уже высказанном тезисе о функциональной нагруженности старого правописания и важности сохранения аутентичного орфографического и пунктуационного режима при подаче литературного текста. Отметим три наиболее принципиальных момента.

Первое: современная орфография, будучи в основном упрощением дореформенной, уменьшает объем передаваемой лексико-грамматической информации¹⁷.

Второе: в значительном числе случаев при модернизации правописания семантически и грамматически неоднозначные фрагменты текста становятся однозначными, а однозначные, напротив, неоднозначными (добавляется альтернатива, не предусмотренная исходным текстом). Пример для случая первого рода, то есть насильственного снятия неоднозначности: строка Пушкина «Надежды робкія черты» неоднозначна и может быть осмыслена либо как ‘робкие черты надежды’, либо как ‘черты робкой надежды’; прояснение же этой строки в нынешнем правописании в виде «Надежды робкие черты» внутреннюю неоднозначность этой строки насильственным образом снимает¹⁸. В качестве примера для случая второго рода, то есть насильственного привнесения неоднозначности, можно взять омофоны старой орфографии *миръ* (с *и* широким) ‘покой’ и *міръ* (с *і* десятиричным) ‘вселенная’, которые в современной орфографии становятся омонимами.

Третье: модернизирующая унификация никогда не бывает последовательной, так как от нее приходится отказываться хотя бы тогда, когда текст явно задействует исходную форму во всем своеобразии ее фонетического и морфологического состава (например, в рифме: «На крикъ испуганный ея / Ребятъ дворовая семья / Сбѣжалась шумно» – ЕО, 7, XVI¹⁹; здесь мы никак не можем написать ея дать в современном орфографическом виде). Но при этом унификатор уничтожает внутренние рифмы и спорадические внутристиховые созвучия, вторгаясь в фактуру поэтического текста. Попытка учитывать неклаузульные рифмы и другие графико-звуковые феномены, релевантность которых обнаружена и осознана унификатором, ничего не даст. Унификация и здесь остается вынужденно неполной: незначимое (нейтральная форма, которая в исходном тексте даже в выделенной – например, рифменной – позиции не отличается от аналогичных форм в других позициях) начинает функционировать как значимое (форма, сохраняемая в маркированной позиции, начинает восприниматься как архаичная «поэтическая вольность» на фоне модернизированных форм в других позициях).

Непреодолимым препятствием для модернизатора являются тексты или фрагменты текста, в которых автор намеренно нарушает общепринятое правописание. В одних случаях элементы дореформенной орфографии вынужденно остаются нетронутыми, как в знаменитом примере из Тургеневского «Дневника лишнего человека»:

Сѣю рукопись. Читаль
И Содѣржаніе Онной Нѣ Одобриль
Пѣтръ Зудотѣшинъ
[Тургенев 1980: 215]

Однако в контексте советского академического издания, где остальные «яти» благополучно заменены на «е», эта нарочито безграмотная запись наряду с задуманным

¹⁶ Материал этого раздела отчасти пересекается со статьей [Перцов 2008], в которой принято планомерное рассмотрение проблемы функциональной нагруженности различных элементов дореформенной орфографии и пунктуации (см. также [Перцов 2007; Перцов, Пильщиков (в печати)]).

¹⁷ См. очерки истории русской орфографии XVIII–XX вв. [Осипов 1992; Григорьева 2004].

¹⁸ Подробнее см. ниже, в разделе 2.5.

¹⁹ Здесь и далее «Евгений Онегин» (сокращенно – ЕО) цитируется по изданию 1837 г. [Пушкин 1837] со ссылкой на номер главы и строфы.

автором комическим эффектом создает ощущение эстетического разнообразия. В других случаях своеобразие текста нивелируется, а его графические особенности в лучшем случае оговариваются в комментарии. Такова первопечатная редакция «Всторической Епиграммы» Баратынского («Хвала, мастытый наш Зоиль!..») [Баратынский 1829]. «В “Моск<овском> Телеграфе” Полевой напечатал эпиграмму с заменой всех “и” на “i” и “ъ”, пародируя этим принятую в “Вестн<ике> Европы” орфографию Каченовского, сохранявшего эти буквы в словах, заимствованных из греческого языка» [Баратынский 1936, т. 2: 261]; в сборнике 1835 года Баратынский вернул эпиграмме нормативную орфографию [Баратынский 1835: 154]²⁰. Издания, придерживающиеся современной орфографии, бессильны адекватно передать значимое различие между графическими обликами двух редакций эпиграммы.

Как писал в 1904 г. Л.В. Щерба,

...нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый, а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны – элементы одного не совпадают с элементами другого [Щерба 1957: 11–12].

Представляется, что в данном случае правильнее было бы говорить не о двух языках, а о двух формах языка – устной и письменной. При рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между ними оказывается, что в одной форме языка могут быть различия и совпадения, отсутствующие в другой [Бодуэн-де-Куртенэ 1912: 39, 63–64 и др.]. Эти отношения отнюдь не являются случайной или внешней характеристикой языка: они входят в его плоть и кровь и в полной мере реализуют свои смыслообразующие возможности в художественных текстах, где значимым может оказаться любой элемент формы. Далее на некоторых примерах, относящихся в основном к Золотому веку русской поэзии, будет показано, что графический облик поэтического текста может быть прямо связан с его планом содержания.

2.1. Грамматическая омофония существительных среднего рода типа *поле* ~ *польѣ*

У существительных среднего рода типа *поле*, *море* в ед. числе прямопадежные формы были противопоставлены формам предложного падежа: в первом случае окончание *-е*, во втором – *-ѣ*. У нас нет уверенности, что гласная в этих словоформах в языке первой половины XIX века звучала единообразно во всех стилях речи (например, в поэтической декламации)²¹. Однако если и принять звуковое тождество подобных форм, тогда здесь мы наблюдаем регулярное графическое грамматическое противопоставление омофонов [Бодуэн-де-Куртенэ 1912: 88–89, 126; Щерба 1957: 12].

Старая орфография может снимать неоднозначность, что иллюстрируется выразительным примером, прозвучавшим в лекции А.А. Илюшина на филологическом факультете МГУ, – строками о рыбаке из стихотворения Пушкина «Земля и море»: «<...> Живет на утлом он челне, / Игралище слепой пучины» [Пушкин 1947, т. 2: 162], в которых современная орфография не дает возможности достоверно отнести слово «Игралище» к челну или к рыбаку [Зарецкий 2000: 50]. В старой орфографии буква *есть* в конце этого слова, судя по авторитетным прижизненным публикациям стихотворения

²⁰ Первопечатная редакция эпиграммы Баратынского воспроизведена факсимиле в недавно переизданной статье [Еськова 1967; 2011], где приводится и эпиграмма Пушкина на М.Т. Каченовского («Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій...»), также обыгрывающая орфографические чудачества последнего; обе эпиграммы появились в соседних номерах «Московского Телеграфа» за 1829 г. В статье Н.А. Еськовой обсуждаются и другие «попытки печатать тексты по особой, не совпадающей с общепринятой, орфографии» и справедливо отмечается, что «многие из этих попыток заслуживают вполне серьезного отношения» [Еськова 1967: 93; 2011: 364]. Библиографию таких текстов см. [Обзор 1965: 471–483].

²¹ О фонемно-звуковом значении *ѣ* в XIX столетии см. [Чернышев 1915: 30–33; Панов 1990: 193–194; Успенский 2002: 172–173].

(«<...> Живеть на утломъ онъ челнѣ, / Игралище слѣпой пучины») [Пушкин 1826: 133; 1829: 130]) и по беловому автографу с поправками (тот же текст) [ПД № 833: л. 2], исключает предложный падеж (иначе в конце словоформы *Игралище* был бы *ять*) и тем самым неопровержимо свидетельствует о том, что автор стихотворения называл «игралищем пучины» именно рыбака. Многие современные читатели воспринимают эти строки иначе.

Заметим, что номинатив *игралище* безразличен для интертекстуальной и эдиционной истории Пушкинского стихотворения. Соответствующие строки восходят к стихотворению Батюшкова «Вечер» [Зарецкий 1999: 342], где «игралищем» также назван рыбак: «Игралище стихій среди пучины пѣнной<, > / И ты рыбарь спѣшишь на брегъ уединенной» [РНБ: л. 39]. Совпадение форм на *-е* в Батюшковском прототексте, в Пушкинском автографе и в дефинитивном тексте Пушкинского стихотворения позволяет поставить под обоснованное сомнение чтение первой публикации «Земли и моря» в Воейковских «Новостях литературы», где текст напечатан иначе: «Живеть на утломъ онъ челнѣ, / Игралищѣ слѣпой пучины» [Пушкин 1825: 27]. Есть все основания подозревать здесь редакторскую правку самого А.Ф. Воейкова или оплошность наборщика. Между тем в разделе других редакций и вариантов современных изданий подобные «колебания» текста вообще не рассматриваются²².

2.2. Грамматическая омофония существительных среднего рода на *-ье* ~ *-ьѣ* и альтернативная форма предложного падежа на *-ьи*

Насильственная модернизация не обязательно связана с заменой отмененных графем.

В 1940-е годы Л.В. Щерба предсказывал:

<...> у нас в орфографии очень часто попутно решаются чисто языковые вопросы и в частности даже судьбы русского склонения и спряжения. Так, из двух вариантов окончания пред. пад. ед. ч. имен существительных на безударное *-ье* (не *-ьѣ*) и *-ьи* (*в счастье*, *в имени* или *в счастье*, *в имени* и т. п.) обыкновенно выбирается без дальнейших разговоров вариант *-е*, как более легкий со школьной точки зрения. Между тем в языке между ними происходит борьба, и окончание *-ьи*, по-видимому, побеждает, благодаря своей дифференцирующей роли, помогающей отличать направление действия и место нахождения. *Я верю в счастье* и *В счастье люди часто забывают о других*; *Я еду в имени* и *Я живу в имени* <...> [Щерба 1983: 26–27].

Это предсказание не сбылось: «школьная точка зрения» победила, распространившись, в том числе, на издание классики. Иногда неучет «дифференцирующей роли» окончания *-ьи* создает ненужные трудности при интерпретации [Григорьев 1966: 104–105].

Так, в стихотворном диалоге Баратынского «Отрывок» («Сцена из поэмы: “Вера и неверие”») современные издания печатают: «В смиренье сердца надо верить / И терпеливо ждать конца». Паразитическая омонимия «верить в смиренье» сбивает с толку многих читателей. Между тем в прижизненных и посмертных изданиях эти строки (кстати, помещенные вдовой на надгробии поэта в Александро-Невской Лавре) прозрачно понятны: «Въ смиренѣи сердца надо вѣрить <...>» [Баратынский 1835: 238]. Кстати сказать, до 1950-х годов и послереволюционные издания сохраняли написание *В смиренѣи* ([Баратынский 1936, т. 1: 192] и др.)²³.

2.3. Лексическая омофония

Во многих случаях старая орфография различала лексемы или формы, которые в современной орфографии сливаются в одно написание [Лихачев 1993: 10–11]. Таковы

²² В данном случае это особенно досадно, поскольку в издании «Стихотворений Александра Пушкина», выпущенном в серии «Литературные памятники», со ссылкой на публикации 1825 и 1826 гг. приведен несуществующий вариант: «Игралища слепой пучины» [Пушкин 1997: 495].

²³ Добавим, что именно в такой форме цитата из Баратынского дана в нормативном словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (в статье «ВЕРИТЬ») [ТС 1935: стб. 251].

две лексемы – омофоны *миръ* ‘покой’ (с *и* широким) и *миръ* ‘вселенная’ (с *і* десятеричным), у которых начертание непосредственно указывает на лексическую единицу [Винокур 1959: 464; Журавлев 1999: 47], что может быть существенно в тех случаях, когда контекст допускает оба осмысления. Например, современный читатель не понимает, что заглавие поэмы Маяковского «Война и миръ» (с *і* десятеричным) не повторяет, а пародирует заглавие романа Толстого «Война и миръ» (с *и* широким)²⁴. Заметим, что сам Толстой колебался в выборе одного из двух вариантов заглавия [Зайденшнур 1966: 67–70; Еськова 2001: 122].

В двух цитатах из Пушкина, записанных в современной орфографии: «Простите, верные дубравы! / Прости, беспечный мир полей <...>»; «Когда ж восстанет / С одра покоя бог мечей, / И брани громкий вызов грянет, / Тогда покину мир полей» [Пушкин 1937, т. 2, кн. 1: 36, 86] – словосочетание *мир полей* допускает двойное осмысление, поскольку является калькой сразу двух стандартных французских словосочетаний: *la paix des champs* и *le monde des champs*. В дореформенной русской орфографии здесь все сразу было ясно (у Пушкина в обоих случаях – *и* широкое).

В произведениях Пушкина встречается четыре случая рифмовки с участием этих лексем (в форме род. пад. ед. числа: *мира* ~ *мира*) – такие как: «<...> Чета духовъ съ начала міра, / Безмолвная на лонѣ мира <...>» («Руслан и Людмила» [Пушкин 1820: 134])²⁵. Кроме рифмы *мира* ~ *мира* у Пушкина известен только один пример рифмовки омофонов-омоформ, различающихся орфографически: «Передъ хозяйкой легкой вздоръ / Сверкаль безъ глупаго жеманства, / И прерываль его межъ тѣмъ / Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ <...>» (ЕО, 8, XXIII). Современная орфография такие противопоставления полностью стирает, и гетерографические рифмы превращаются в омографические.

В элгии Баратынского «О счастья съ младенчества тоскуя...» (1823) строка «Твой миръ, увы! могилы миръ печальный» при жизни автора четыре раза появлялась с начертанием *миръ* (через *и* широкое) и три раза – с начертанием *миръ* (через *і* десятеричное) [Боратынский 2002, т. 1: 59–60]. Из всего контекста стихотворения становится ясно, что здесь имеется в виду покой: этот стих входит в монолог лирического героя, обращенный к явившейся перед ним Истине, которая перед этим так завершает свой монолог: «Я оболью суровымъ хладомъ душу, / Но дамъ душѣ покой». Однако отнюдь не все читатели этого стихотворения, данного в современной орфографии, поймут обсуждаемую строку в нужном смысле.

2.4. Опозиция прямопадежных адъективных форм на *-ые/-ие* ~ *-ья/-ія*

В старой орфографии были противопоставлены прямопадежные адъективные формы мн. числа мужского рода, с одной стороны, и женского и среднего, с другой: первые имели флексии *-ые/-ие*, а вторые – *-ья/-ія*.

Аргументом в пользу возможного особого звучания адъективных форм на *-ья/-ія* (по крайней мере, в поэтической декламации) могут служить данные рифм (ср. [Дурново 1921: 92–95; Бернштейн 1922]). В последнем прижизненном издании «Онегина» наблюдается 13 фактов рифмовки с участием прямопадежной формы прилагательного мн. числа, например: «Гребенки, пилочки стальные, / Прямая ножницы, кривья» (ЕО, 1, XXIV). Из них в 11-ти случаях последние гласные буквы совпадают – и только в двух наблюдается их расхождение: «И предразсудки вѣковые, / И гроба тайны роковыя» (ЕО, 2, XVI); «Готовы санки бѣговья. / <...> / *Лепажка* стволы роковые» (ЕО, 6, XXV); при этом в последнем случае первые два прижизненных издания из трех дают гиперкоррекционную рифмовку (*бѣговые* : *роковые*), вступающую в противоречие с нор-

²⁴ Ср. замечание Н.И. Харджиева: «Заглавие поэмы основано на каламбуре, исчезнувшем в новой орфографии (“мир” через *и* с точкой)» [Харджиев 1939: 464]. См. также [Журавлев 1999: 47; Еськова 2001: 121].

²⁵ Об этой «орфографической рифме», которая после реформы «превратилась в чистую рифму-омоним» см. [Григорьев 1966: 125–126].

мативной орфографией. Интересны два случая зрительной рифмовки наречия с прилагательным в восьмой главе, отмеченные М.И. Шапиром: «И нынѣ Музу я впервые / На свѣтскій рауть привожу; / На прелести ея степныя / Съ ревнивой робостью гляжу» (ЕО, 8, VI) – при этом: «Весна живить его: впервые / Свои покои запертые, / <...> / Онъ яснымъ утромъ оставляетъ» (ЕО, 8, XXXIX) [Шапир 2002б: 14].

Существенно принять во внимание факты рифмовки у Пушкина прямопадежных адъективных форм мн. числа с существительными на *-ия*: *стихія*, *Россія*, *Марія*, которые, если верить указанию Н.И. Греча, произносились без редукции конечного гласного: «Въ окончаніи словъ буква *я* удерживаетъ настоящее свое произношеніе; напримѣръ: *дядя*, *Россія*, *линія*, *время*, *имя*» [Греч 1827: 456]. Словоформа *стихія* у Пушкина попадает в рифменную позицию однократно, рифмуясь с адъективной словоформой *голубыя* в стихотворении «К морю». Во всех пяти случаях рифмовки адъективной формы на *-ыя/-ія* со словоформой *Россія* такая форма согласуется с существительным среднего рода. Словоформа *Марія* рифмуется с адъективной прямопадежной словоформой прилагательного мн. числа 9 раз, из которых только единожды – с формой мужского рода, в нарушение зрительной рифмы («Отвѣты робкіе, глухіе» – в «Полтаве»). Итак, в 15-ти случаях мы наблюдаем только однократное нарушение зрительной рифмовки.

Выразителен случай рифмовки интересующей нас адъективной формы с архаической формой прилагательного род. пад. жен. рода: «И вы забыты мной, измѣнницы младыя, / Подруги тайныя моей весны златыя» (из элегии 1820 года «Погасло дневное свѣтило...») [Пушкин 1829: 85]. Думается, относительно словоформы *златыя* можно достаточно уверенно утверждать произношение с отчетливым конечным нередуцированным гласным, отличным от конечного гласного в форме с конечным *е* (*златые*); тогда и рифма *младыя* должна была, скорее всего, произноситься аналогичным образом – нередуцированно.

Интересен факт различия в рифмовке у Баратынского в первоначальной и окончательной редакции его элегии «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...». Вторая из строк первоначальной редакции: «Съ волненьемъ учится, губя часы златые, / Наукѣ созидать твердыни боевыя» (с неточной зрительной рифмой) – была заменена в окончательной редакции так: «Наукѣ размѣрять окопы боевые». Очевидно, стих был изменен ради графической точности рифмы – *златые* (муж. р.) : *боевыя* (жен. р.) > *златые* (муж. р.) : *боевые* (муж. р.) [Пильщиков 2002: 487; Баратынский 2002, т. 1: 399]. Напомним, что о пристрастии Баратынского к графически точной рифме говорил еще Г.О. Винокур, который, однако, неправоммерно отрицал наличие сходной тенденции у Пушкина [Винокур 1941: 478]. Его поправил В.Э. Вацуро, писавший, что «тенденция к сочетанию звуковой и графической рифмы в некоторых случаях» у Пушкина «прослеживается, что может быть подтверждено и рукописями, и сличением текста в поздних сборниках» [Вацуро 1999: 259–260] (ср. [Рак 1995/1996: 317, 318; Сидяков 1997: 15–17]). Между тем послереволюционные издания эту яркую рифмологическую особенность никак не отражают.

2.5. Омонимия адъективных окончаний *-ыя/-ія* в женском роде (им. пад. множественного числа vs. род. пад. единственного)

Архаическая (церковнославянская по происхождению) форма род. пад. ед. числа женского рода (типа *моей весны златыя*) омографична форме им. пад. мн. числа жен. рода. Один из таких примеров вслед за В.Э. Вацуро разбирал М.И. Шапир – это строчка из Пушкинского стихотворения «К живописцу»: «Надежды робкія черты» [Вацуро 1999: 260; Шапир 2000: 240 примеч. 21] (о ней уже шла речь выше, в начале раздела II). Строку можно понимать двояко: не то ‘черты робкой надежды’, не то ‘робкие черты надежды’. М.А. Цявловский в старом академическом издании выбрал первую версию [Пушкин 1937, т. 1: 174]; В.Э. Вацуро в новом академическом издании (1999 года) предпочел вторую, а первую вынес в комментарий [Пушкин 1999: 162, 671]. Но в Пушкинской орфографии обсуждаемый стих неоднозначен, а модернизированное правописание

сание навязывает ему единственное – безальтернативное – прочтение. И дело даже не в том, замечает Шапир, что интерпретацию, «которой отдано предпочтение в издании под редакцией Вацууро, нельзя считать более вероятной» (поскольку «она, в частности, разрушает полный синтаксический параллелизм», на котором построен Пушкинский пассаж), – главное то, что «в контекстах такого рода двусмысленность неразрешима: она объективно заключается в тексте и потому должна быть сохранена» [Шапир 2001: 51; Пильщиков 2004: 331–333].

Аналогичные примеры находим в «Онегине»: «Любви безумныя страданья» (ЕО, 4, ХХІІІ). Академическое издание справедливо трактует это место как ‘безумные страданья любви’, однако возможно и альтернативное понимание: ‘страданья безумной любви’. По счастливой случайности до нас дошло свидетельство в «<Возражениях на статью “Атенея”>», где Пушкин пишет: «<...> безумные страданья есть весьма простая метонимия» [Пушкин 1949, 11: 71]. Но если бы этого свидетельства не сохранилось, однозначная интерпретация была бы невозможна: ведь сочетание *безумная любовь* встречается в элегии «Погасло дневное свѣтило...» и в наброске «Пускай увѣнчанный> любов<ью> красоты...» [Пушкин 1937, т. 1: 146; 1947, т. 2: 366]. Другой пример: «Гдѣ бурныя любви желанья» (ЕО, 6, ХХХVI) – это ‘бурные желанья’ (так в академическом издании) или ‘бурная любовь’? (Словосочетание *бурная любовь* мы находим, например, у Александра Бестужева в повести «Замок Нейгаузен» [Бестужев 1824: 172].) Проверить по другим Пушкинским контекстам невозможно: ни то, ни другое сочетание у Пушкина больше не встречается.

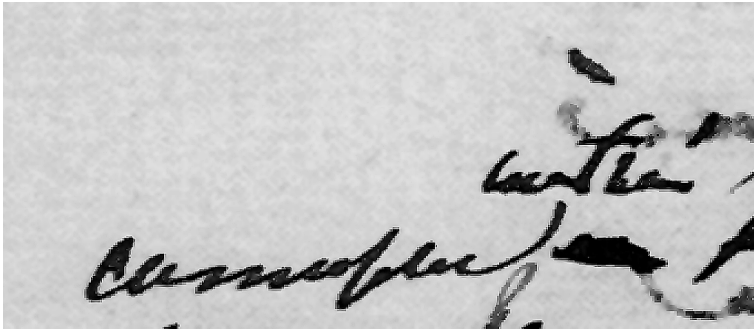
Поразительным образом в текстологической практике попадают редакторские замены окончания *-ья* на *-ье* даже в тех случаях, когда никакой двусмысленности нет, а следовательно, нет и возможности менять окончание. Таково, например, ошибочное чтение 52-й строки стихотворения Баратынского «Последний поэт» в первом издании «Библиотеки поэта», где некорректно воспроизведено окончание прилагательного *гордыя*: «Но гордые главы не преклонил» [Баратынский 1936, т. 1: 202]. Судя по всему, это не опечатка, а результат неумеренной модернизации (по крайней мере, в приложенном к изданию списке опечаток это место не исправлено).

2.6. Безударные окончания *-ый/-ий* ~ *-ой* прямопадежных адективных форм ед. числа муж. рода

Такие формы с безударным окончанием в старинном русском языке имели альтернативные графические окончания *-ый/-ий* и *-ой*. О тенденции употребления *-ый* в книжном, а *-ой* в разговорном или просторечном стиле письма мы находим свидетельства в грамматиках XVIII–XIX веков. Относительно «Евгения Онегина» вопрос об употреблении той или другой графической формы прилагательного был подробно рассмотрен М.И. Шапиром: по его подсчетам, в подавляющем большинстве случаев в «Онегине» в рифмах с подобными формами нет расхождения между гласными буквами, а в нерифменной позиции такие формы имеют почти исключительно окончание *ый/ий*²⁶. Та же тенденция обнаруживается и в других стихотворных текстах – причем не только у Пушкина, но и у многих других поэтов Золотого века. Тем самым практически однозначно решаются вопросы, связанные с некоторыми подозрительными случаями. Скажем, в знаменитых строках о Фонвизине, которые во всех прижизненных изданиях романа читаются так: «Волшебный край! Тамъ въ стары годы, / Сатиры смѣлой властелинь, / Блисталь Фонвизинь, другъ свободы <...>» (ЕО, 1, ХVІІІ) – прилагательное *смѣлой* относится к сатире, а не к властелину, ибо в противном случае в данной нерифменной позиции, скорее всего, была бы употреблена форма *смѣлый* [Шапир 1999: 101–106; 2000: 224–230; 2001: 53–54; 2002б: 14]. Заметим, кстати, что утверждение Е.О. Ларионовой и С.А. Фомичева, будто в черновом автографе 1-й главы эта строка

²⁶ Возражение, что эти подсчеты провел «исследователь, не державший в руках рукописи Пушкина в подлиннике», а пользовавшийся их факсимильным воспроизведением [Рак, Эльзон 2004: 212], не имеет отношения к делу и должно быть признано аргументом *ad hominem*.

«читается: “Сатиры смелый властелин”», «причем окончание слова “смелый” написано совершенно отчетливо и не оставляет ни малейшего повода для сомнений» [Ларионова, Фомичев 2002: 158], не соответствует действительности. Не только мы не видим в этом месте [ПД № 835: л. 20 об.] «отчетливой» *ы* – с нами солидаризируется ученый хранитель Пушкинского фонда Т.И. Краснобородко, к которой мы обращались за консультацией. А П.Н. Берков прямо писал: «<...> в черновике окончание слова “смелый” или “смелой” неясно, но скорее всего “смелой”» [Берков 1962: 62] (ср. [Шапир 1999: 101–106; 2000: 225; 2003: 154]). В справедливости сказанного можно убедиться, взглянув на иллюстрацию:

В других случаях такая омонимия в принципе неразрешима. Поскольку неоднозначность является не привходящим, а конститутивным свойством поэтического текста (ср. [Перцов 2000]), то все такие случаи должны быть сохранены – что в принципе невозможно в современной орфографии: даже если унификатор сохраняет написание *-ой*, то он уже делает выбор в пользу формы жен. рода, так как формы муж. рода в современных изданиях унифицированы в пользу *-ый*. Ср. в переводе Батюшкова из Тибуллы: «<...> И волхвованье жриць и мѣди звучной стонъ» [Батюшков 1817: 20]. Во всех прижизненных изданиях у прилагательного здесь флексия *-ой*. Скорее всего, это место следует интерпретировать ‘стон звучной меди’, а не «меди звучный стон», как, модернизируя, дают современные издания [Пильщиков 2006б: 317]. Однако в данном случае главная проблема для текстолога должна заключаться не столько в выборе верного варианта, сколько в воспроизведении аутентичного режима правописания, создающего объективную неоднозначность (что, заметим, не отменяет необходимости эксплицировать эту неоднозначность в комментариях).

2.7. Прямопадежные формы местоимения 3-го лица мн. числа и местоимения *одинъ* во мн. числе

В литературном русском языке XVIII–XIX веков различались местоимения 3-го лица мн. числа *они* и *онѣ* и адъективные числительные-местоимения мн. числа *одни* и *однѣ* (оставляем в стороне вопрос об исторической закономерности обеих форм). В случаях соотносительности этих слов с мужским родом выбирались первые формы, а в случае соотносительности с женским – вторые. Что касается среднего рода, здесь были колебания: в XVIII – начале XIX в. была тенденция к объединению среднего рода с женским (как в примере из «Горя от ума»: «Воспоминанія! какъ острый ножъ онѣ» – рифма *мнѣ* [Грибоедов 1913: 95]); примерно с середины 1830-х годов формы *они*, *одни* постепенно закрепляются за муж. и ср. родом²⁷, тогда как форма *онѣ* остается только у слов жен. рода.

²⁷ Ср. пример из «Путешествия в Арзрум», где форма *они* заменяет слова среднего рода *желанія* и *требованія*: «Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены» [Пушкин 1836: 77].

В «Онегине» есть выразительный случай дополнительного созвучия, поддерживаемого графически благодаря форме местоимения и утрачиваемого при бытующей современной унификации: «<...> Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой, / Я все ихъ помню, и во **сиѣ** / **Онѣ** тревожатъ сердце **миѣ**» (ЕО, 1, XXX) [Шапир 2001: 52; 2002б: 13–14]. Отметим, что редакторы послереволюционных изданий, вынужденные сохранять архаические формы в рифмах на клаузуле или цезуре [Григорьев 1966: 125], никогда не делали этого для нерегулярных созвучий (рифмоидов), разрушая тем самым фоническую структуру текста (даже если вести речь о возможном, а не обязательном прочтении *онѣ* как *он[е]*).

2.8. Форма *ея* местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода

Эта форма употреблялась как форма род. пад. местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода (с вариантом *нея* после предлога) или как форма притяжательного местоимения 3-го лица. Относительно этих форм мы находим у Н.И. Греча следующее свидетельство: «Въ окончаніи родительнаго падежа личнаго мѣстоименія третьяго лица женскаго рода въ числѣ единственномъ, полагается *я* (напримѣръ: *я не знаю ея; это братъ ея; я былъ у нея*)<, > хотя сія буква и произносится какъ *ѣ* <...>. Сіе правописаніе наблюдается для отличенія родительнаго падежа отъ винительнаго: *я знаю еѣ; онѣ вступилъ за неѣ*» [Греч 1827: 510].

Указанное Гречем звучание было, по-видимому, характерно в основном для непринужденной разговорной речи, а в высокой книжной было допустимо или даже предпочтительно произношение в соответствии с написанием. Во всяком случае, таково было (и до сих пор остается!) звучание этой формы в рифмах [Дурново 1921: 95–108], как в уже приводившемся примере: «На крикъ испуганный *ея* / Ребятъ дворовая семья / Сбѣжалась шумно» (ЕО, 7, XVI). Однако и в рифмах фонетика могла приходить в противоречие с графикой, что показывают рифмы Баратынского в ранней редакции его элегии «Зачѣмъ живыя выраженья...» (1821–1822):

- (1) «*Душа полна тоски ея; / Но я разсудка не забуду / И на смятеніе мое / Отвѣта требовать не буду*»;
- (2) «*Но въ жаръ краса меня не вводитъ: / Тяжелый опытъ взялъ своё. / Я захожу въ приютъ еѣ, / Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходить*»

[Баратынский 2002, т. 1: 250–252].

В первом случае обе рифмующиеся словоформы – *ея* и *мое* (*ея* произносится здесь как [jejó]) – орфографически и орфоэпически корректны, но графически расходятся, во втором – *своѣ* и *еѣ* – вторая словоформа орфографически некорректна, но соблюдено графическое соответствие. Неудивительно, что в окончательной редакции этой элегии («*Миѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ...*») Баратынский избавился от обоих «неудобных» пассажей [Баратынский 2002, т. 1: 444].

Итак, орфографическая оппозиция *ея* ~ *ее/еѣ* дает еще один случай словоизменной омофонии, отсутствующей в современном языке. Сохранение этой оппозиции нужно хотя бы для устранения стилистических диспропорций: если мы оставим *ея* только в рифмах, они будут восприниматься как архаизирующая дань стихосложению, как насилие над языком «в угоду рифме» [Шапир 2001: 52]. (То же самое, разумеется, относится и к формам *онѣ* и *однѣ*, если сохранять их только в клаузулах.)

2.9. Строчная vs. прописная буква

Как известно, в дореформенной орфографии прописная буква была гораздо больше нагружена, чем в современной: с прописной буквы могли писаться названия национальностей, прилагательные от этих названий, названия должностей, званий, титулов,

профессий, наук, искусств, месяцев, дней недели, олицетворения, сакральные и аллегорические наименования... [Каверина 2001]. В текстах XVIII – первой половины XIX в. прописными буквами могли начинаться или выделяться сплошь особо значимые слова.

Неверно, что все подобного рода прописные написания были простой орфографической условностью (ср. [Захаров 1995: 10–11]). Н.И. Греч указывает на то, что с помощью буквенного регистра могла разрешаться лексическая неоднозначность типа: «<...> *церковь*, здание (*церковь Знаменія*), *Церковь*, собрание вѣрующих (*Церковь Христіанская*); *дворъ*, пространство, окруженное заборомъ (*area*), (*птичій дворъ*), и *Дворъ*, мѣстопробываніе, свита Государя (*aula*), (*Французскій Дворъ*) <...>» [Греч 1827: 549–550] (всего Греч приводит 11 таких пар).

Обратимся к примерам из «Евгения Онегина». У слова *небо* / *небеса* прописная буква указывает на другое лексическое значение: когда речь идет о небосводе (20 раз), пишется строчная буква, а для обозначения местопребывания Божества (4 раза) используется прописная; ср.: «<...> луна / Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ <...>» (ЕО, 2, X); «<...> луна обходить / Дозоромъ дальный сводъ небесь <...>» (ЕО, 3, XVI) vs. «Тамъ другъ невинныхъ наслажденій / Благословить бы Небо могъ» (ЕО, 2, I); «Быть может, волею Небесь, / Я перестану быть поэтомъ <...>» (ЕО, 3, XIII). Аналогичным образом дифференцированы значения существительных *дворъ* и *Дворъ*: «Нашель онъ полонъ дворъ услуги» (ЕО, 1, LIII); «<...> вѣчный разговоръ / Про дождь, про лень, про скотный дворъ...» (ЕО, 3, I), «Поутру побѣлѣвший дворъ» (ЕО, 5, I), «Ведуть на дворъ осмнадцать клячь» (ЕО, 7, XXXI) vs. «<...> Что я богата и знатна; / Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ; / Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?» (ЕО, 8, XLIV). Даже в Большом академическом издании эти орфографические различия проигнорированы: для советского читателя что скотный двор, что царский Двор – всё едино.

В стихе «Вдали отъ суетной Молвы» (ЕО, 8, XLIV) существительное дано с прописной буквы: вслед за «Энеидой» *Молва* (Вергилианская *Fama*) в «Онегине» персонажируется. Малое академическое и многие другие издания напрасно понижают начальную букву: *Молва* с прописной и *молва* со строчной буквы различаются так же, как французское *amour* (со строчной) в значении ‘любовь’ и *Amour* (с прописной) в значении ‘Амур, бог любви’.

Пример, относящийся к послепушкинской эпохе, приводит М.Л. Гаспаров. В статье о тавтологической рифме он рассматривает «случай, пограничный между тавтологией и омонимией: местоимение, за которым может чувствоваться, а может и не чувствоваться разница замещаемых имен. У Некрасова в “Морозе Красном Носе” читаем: Двинулась с миром икона святая, / Сестры запели, ее провожая, / Все приложились к ней. / Много Владычице было почету: / Старый и малый бросали работу, / Из деревень шли за Ней. В орфографии подлинника рифма “к ней – за Ней” может восприниматься и как нетавтологическая, в орфографии советских изданий – только как тавтологическая, и это, конечно, обедняет ее восприятие» [М. Гаспаров 1983: 129]. Хотя разнопадежную рифму «*к ней* (дат. пад.) : *за ней* (твор. пад.)» в любом случае следовало бы считать омонимической, а не тавтологической, нельзя не согласиться, что в исходной орфографии референт второго местоимения безусловно не совпадает с референтом первого, а модернизация вносит в текст ненужную (отсутствовавшую у автора) путаницу.

* * *

У нас нет возможности столь же подробно говорить о старой пунктуации. Инвентарь знаков препинания в русском письме за последние два с половиной столетия практически не изменился, однако семантика знаков препинания изменилась весьма явственно: какие-то их употребления сохранились в современном письме, а какие-то выглядят для него ошибочными или непривычными (сжатый обзор основных отличий пунктуации первой половины XIX века от современной дан в статье [Перцов 2008: 50–52]). Старая пунктуация была гораздо более чувствительна к мелодической стороне речи, в частности – к обозначению пауз. Паузальные употребления запятой могли раз-

делять синтаксические группы подлежащего и сказуемого – в случае, скажем, значительной синтаксической «тяжести» первой группы. Точка с запятой могла не только служить разделителем в случае сочинительной связи компонентов, как в современной пунктуации, но и в некоторых ситуациях отделять придаточное предложение от главного, если они уже содержали в себе запятые или тире; двоеточие могло употребляться для выражения противопоставления – и могло стоять даже перед союзом *но*, что практически исключено для современной пунктуации. Тире (к которому, судя по рукописям, весьма благоволил Пушкин) было в гораздо большей степени паузально нагружено, чем ныне. Восклицательный и вопросительный знаки могли гораздо свободнее, чем сейчас, вторгаться в течение фразы и допускать после себя строчные буквы. Уместно сослаться в данной связи на высказанное около пятидесяти лет назад мнение П.Н. Беркова, относящееся к пунктуации XVIII века, но полностью справедливое относительно более поздних времен:

<...> «незаконные» с нашей современной точки зрения применения запятой, двоеточия и других знаков поэтами XVIII века во многих случаях объясняются тем, что при тогдашней общей неразработанности грамматики, в особенности синтаксиса, знаки препинания – и в стихах, и в прозе, и в драматических произведениях – играли роль интонационно-декламационных разделителей. Эти традиции держались в дореволюционной школе в ряде случаев до 1917 года [Берков 1963а: 92; ср. 1963б: 122–125]²⁸.

Перечень основных расхождений между старой и современной пунктуацией не слишком велик, хотя их не так просто систематизировать (так же, как и случаи раздельного, слитного и дефисного написания). Орфографические различия можно описать на пятнадцати-двадцати страницах (а то и меньше). Тем самым дать ключ к правильному восприятию старого правописания отнюдь не трудно. Именно на такое восприятие следует ориентировать читателя того типа изданий, о котором мы ведем речь.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод из вышесказанного ясен: правописание несет важную информацию и о плане содержания поэтического текста, и о его исторической принадлежности. Приведенный материал непреложно говорит о том, что для аутентичной передачи и адекватного восприятия классических текстов необходимо сохранение оригинального режима правописания. Современная орфография стирает многие смысловоразличительные графические оппозиции, имевшие поэтическую, стилистическую либо психолингвистическую значимость [Винокур 1959: 465]. Нередко именно особенности правописания, которые, к сожалению, игнорируются абсолютным большинством современных изданий русских классиков, позволяют выявить значение слова, смысл художественного высказывания и его культурный контекст.

Мы решительно выступаем против распространенного предрассудка, заключающегося в том, что аутентичное воспроизведение источника может быть полезно только для издания документального типа (дипломатического или фототипического), а критическое издание якобы нуждается в унификации и модернизации языкового материала. Здесь мы еще раз вынуждены выразить наше несогласие с позицией В.Э. Вацура, который считал, что издание обязано унифицировать материал, если оно вообще претендует на звание научного. Представляется, что приведенная лингвистическая, текстологическая и культурологическая аргументация достаточна для обоснования отказа от унификации, модернизации и селекции текста. Они неизбежно ведут к трансформации или даже деформации стилистики, поэтики, семантики и прагматики произведения словесного искусства.

---

²⁸ Ср. аргументы и контраргументы сторонников модернизации пунктуации [Бухмейер, Пинус 1963]; см. также [Валгина 1978].

Повторим сказанное в начале статьи: предлагаемая текстологическая концепция никак не дискредитирует другие издания, нацеленные на иной тип подачи текста и более привычные для большинства читателей. Мы даже не настаиваем на единственности предлагаемого нами подхода к *научным* изданиям, оставляя в стороне издания массовые, общеобразовательные etc. (Мы не разделяем мнение, будто научное издание обязано являться непосредственным источником текста для массовых изданий.) Однако мы настаиваем на необходимости академических изданий того типа, о которых шла речь в нашей статье и которые почти не представлены в современной отечественной текстологической практике.

На сегодняшний день сложилась ситуация, когда текстология новой литературы объявлена литературоведческой дисциплиной *par excellence*. Может быть, поэтому иные литературоведы не обинуясь заявляют, например, такое: «<...> академические издания, как бы и кем бы они ни готовились и издавались, *вообще не могут претендовать на статус достоверного источника для научных разысканий в области текстологии и лингвистики*» [Ивинский 2003: 355; курсив автора]. С этим, увы, согласен и один из редакторов нового академического Полного собрания сочинений Пушкина, которое, по его мнению, *«ни в коей мере не может выступать в качестве единственной базы для изучения творческой биографии поэта и еще менее – орфографических и пунктуационных особенностей его литературного языка»* [Фомичев 2003: 137; курсив автора]. Никто, однако, и не настаивает на том, что академическое издание должно служить *«единственной базой»* для лингвистического исследования. Непонятно другое: почему иные литературоведы стремятся вообще исключить из академических изданий лингвистическую составляющую или существенно ее ограничить? Представить себе подобные высказывания в устах филолога-медиевиста вряд ли возможно. Правоммерно ли делать исключение для словесности нового времени?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текстологическая нотация для отображения рукописи

В связи с рассмотренной выше общей проблемой текстологической неопределенности (раздел 1.5) уместно коснуться вопроса о фиксации «положения дел» в рукописном источнике литературного произведения. Весьма распространен такой способ отображения рукописи, как транскрипция – предельно близкий к рукописи способ ее воспроизведения (с сохранением специфически рукописных черт – зачеркиваний одинарными и двойными чертами, сплошных и штриховых подчеркиваний, а также разного рода фрагментов, к анализируемому тексту прямо не относящихся). Мы полагаем, что это очень нужный инструмент текстологического исследования. Разумеется, транскрипция рукописи недостаточна для полного воспроизведения творческого процесса, для чего нужно выяснить последовательность записей (что, впрочем, возможно отнюдь не всегда); в общем случае недостаточна она и для выяснения промежуточных вариантов и их слоев (тогда как исходный и окончательный варианты обычно определяются достаточно четко). Однако скепсис некоторых текстологов по отношению к транскрипциям представляется необоснованным: транскрипции нужны хотя бы для того, чтобы облегчить чтение рукописей или их фотокопий.

Тем не менее текстологи издавна прибегают к более простым способам отображения рукописей и их фрагментов, применяя – для фиксации зачеркиваний, зачеркиваний с восстановлением и конъектур – особую текстологическую нотацию: квадратные скобки, квадратные скобки со штриховым подчеркиванием и угловые скобки соответственно; такие простые способы особенно удобны для цитирования фрагмента рукописи непосредственно в научном тексте. Кроме того, такого рода «нотационные» записи важны иногда для интерпретации самой рукописи: бывает такое, что в чересполосице зачеркиваний, вставок, исправлений нелегко разобраться даже в транскрипции, на основе которой не всегда возможно четкое и непосредственное указание разных вариантов, пробуемых автором.

Как показано в разделе 1.5, традиционная текстологическая нотация недостаточна для отображения некоторых существенных особенностей рукописного текста и должна быть дополнена. Ниже приводится сводка применяемой нами текстологической нотации, из числа элементов которой первые три – уже упомянутые квадратные скобки, квадратные скобки со штриховым подчеркиванием и угловые скобки – в текстологии применяются весьма широко, а последние три – фигурные скобки, стрелка и подчеркивание пробела – вводятся нами впервые.

- [ABCD] (зачеркивание): фрагмент ABCD зачеркнут
- [ABCD] (зачеркивание с возвращением к первоначальному варианту): фрагмент ABCD сначала был зачеркнут, а затем восстановлен (разрядкой или подчеркиванием)
- <ABCD> (конъектура): фрагмент ABCD определяется по рукописи предположительно, то есть либо отсутствует в рукописной скорописи, либо неразборчив, но восстанавливается по контексту
- { A | B | ... | Y | Z } (альтернативные варианты): варианты A, B, ..., Z, занимающие в тексте одну и ту же позицию (синтаксическую, ритмическую, смысловую), записаны в рукописи рядом друг с другом, причем A – это исходный вариант, Z – окончательный, B, ..., Y – промежуточные (при этом последовательность вписывания в рукопись промежуточных вариантов не всегда может быть установлена)
- [A] → B | (альтернативные варианты с наложением): вариант B, заменяющий в рукописи вариант A, написан поверх этого заменяемого A (вертикальная черта после B ограничивает сферу распространения этого выражения)
- A_B : смежные слова A и B написаны слитно

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баратынский 1829 – Всторическая Епіграмма // Московскій Телеграфъ. 1829. Ч. XXVI, № 7. Подпись: *.
- Баратынский 1835 – Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Ч. I. М., 1835.
- Баратынский 1936 – *Баратынский*. Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Купреяновой и И. Медведевой; вступит. ст. Д. Мирского. Т. 1–2. [Л.], 1936.
- Батюшков 1808 – *К. Батюшковъ*. [Отрывокъ изъ I пѣсни «Освобожденнаго Иерусалима»] // Драматическій вѣстникъ. 1808. Ч. VI. Подпись: N. N. N.
- Батюшков 1817 – Опыты въ Стихахъ и Прозѣ К. Батюшкова. Ч. II. СПб., 1817.
- Батюшков 1887 – Сочиненія К.Н. Батюшкова / Со статью о жизни и сочиненіяхъ К.Н. Батюшкова, написанной Л.Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В.И. Саитовымъ. Т. I. СПб., 1887.
- Батюшков 1987 – *К.Н. Батюшковъ*. Стихотворенія / Сост., вступит. ст. и примеч. И.О. Шайтанова. М., 1987.
- Березкина 2004 – *С.В. Березкина*. История эпиграммы Пушкина «Литературное известие» // Русская литература. 2004. № 2.
- Берков 1962 – *П.Н. Берков*. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина») // Русская литература. 1962. № 1.
- Берков 1963а – *П. Берков*. Проблемы современной текстологии // Вопросы литературы. 1963. № 12.
- Берков 1963б – *П.Н. Берков*. Издания русских поэтов XVIII века: История и текстологические проблемы // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.
- Бернштейн 1922 – *С. Бернштейн*. О методологическом значении фонетического изучения рифм (К вопросу о пушкинской орфоэпии) // Пушкинист. IV: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922.
- Бестужев 1824 – *А. Бестужевъ*. Замокъ Нейгаузенъ, рыцарская повѣсть // Полярная Звѣзда. Карманная книжка на 1824^я годъ. Для любителейницъ и любителей Руской словесности. Изданная А. Бестужевымъ и К. Рылеевымъ. СПб., [1824].
- Бодрова 2010 – *А.С. Бодрова*. Поздняя лирика Е.А. Боратынского: источниковедческие и текстологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Бодуэн-де-Куртенэ 1912 – *И.А. Бодуэн-де-Куртенэ*. Об отношеніи русскаго письма к русскому языку. СПб., 1912.

- Бонди 1937 – С. Бонди. О чтении рукописей Пушкина // Изв. АН СССР. Отделение обществ. наук. 1937. № 2/3.
- Бонди 1950 – С.М. Бонди. Новый автограф Пушкина // Записки Отд. рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 11. М., 1950.
- Боратынский 2002 – Е.А. Боратынский. Полное собрание сочинений и писем / Рук. проекта А.М. Песков. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов / Ред. А.Р. Зарецкий, А.М. Песков, И.А. Пильщиков; Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О.В. Голубева, А.Р. Зарецкий, А.М. Песков. М., 2002.
- Бухмейер, Пинус 1963 – К.К. Бухмейер, С.М. Пинус. О модернизации пунктуации в стихотворном классическом тексте // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.
- Валгина 1978 – Н.С. Валгина. Что такое авторская пунктуация? // Русская речь. 1978. № 1.
- Вацуро 1999 – В. Вацуро. Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое литературное обозрение. 1999. № 37.
- Векишин 2006 – Г.В. Векишин. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М., 2006.
- Винокур 1927 – Г. Винокур. Критика поэтического текста. М., 1927.
- Винокур 1935 – [Г.О. Винокур] Борис Годунов [Комментарии] // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. [Л., 1935]. Т. 7: Драматические произведения.
- Винокур 1941 – Г.О. Винокур. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений (Ответ В.И. Чернышовой) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.; Л., 1941.
- Винокур 1959 – Г.О. Винокур. Орфография как проблема истории языка [1945] // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Б. Гаспаров 2001 – Б. Гаспаров. Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.
- М. Гаспаров 1979а – М.Л. Гаспаров. Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10.
- М. Гаспаров 1979б – М.Л. Гаспаров. Письмо в редакционную коллегию серии «Литературные памятники», 29 мая 1979 г. Цитируется по ксерокопии, хранящейся в Эстонском фонде семиотического наследия (Tallinna Ülikool. Eesti Humanitaarinstituut. Eesti Semiootikavaramu Sihtasutus).
- М. Гаспаров 1983 – М.Л. Гаспаров. Тавтологическая рифма // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1983. Вып. 635. (Труды по знаковым системам; [т.] XVI.)
- Гофман 1922а – М.Л. Гофман. Первая глава науки о Пушкине. Пб., 1922.
- Гофман 1922б – М.Л. Гофман. Посмертные стихотворения Пушкина, 1833–1836 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. Вып. XXXIII/XXXV. Пб., 1922.
- Греч 1827 – Н. Греч. Практическая Русская грамматика. СПб., 1827.
- Грибоедов 1913 – А.С. Грибоедов. Полное собрание сочинений / Под редакцией и с примечаниями Н.К. Пиксанова. Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Т. II. СПб., 1913.
- Григорьев 1966 – В.П. Григорьев. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М., 1966.
- Григорьев 1979 – В.П. Григорьев. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М., 1979.
- Григорьева 2004 – Т. [М.] Григорьева. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
- Гришунин 1998 – А.Л. Гришунин. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Державин 1920 – Н. Державин. О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6.
- Дмитриева 1999а – Е. Дмитриева. Генетическая критика во Франции: Теория? Издательская практика? Явление постмодернизма? // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Дмитриева 1999б – Е.Е. Дмитриева. Словарь // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Достоевский 1995–2010 – Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 15 т. Канонические тексты / Под ред. В.Н. Захарова. Т. I–IX. Петрозаводск, 1995–2010.
- Дурново 1921 – Н. Дурново. Замѣтки по исторіи русскаго литературнаго языка // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1918 г. Пг., 1921. Т. XXIII, кн. 2.
- Еськова 1967 – Н.А. Еськова. Из истории русской орфографии // Русская речь. 1967. № 5.

- Еськова 2001 – *Н.А. Еськова*. Еще раз о *мире* и *мире* и о «Войне и мире» // Русская речь. 2001. № 2.
- Еськова 2011 – *Н.А. Еськова*. Из истории русской орфографии // *Н.А. Еськова*. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2011.
- Журавлев 1999 – *А.Ф. Журавлев*. Мир: *миръ* и *миръ* // Русская речь. 1999. № 1.
- Зайденишнур 1966 – *Э.Е. Зайденишнур*. «Война и мир» Л.Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966.
- Зарецкий 1999 – *А.Р. Зарецкий*. Об идиллии Пушкина «Земля и море» // Университетский Пушкинский сборник. М., 1999.
- Зарецкий 2000 – *А. Зарецкий*. [Рец.]: М.И. Шапир. *Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1. М., 2000 // Новая Русская Книга. 2000. № 6 (7).
- Захаров 1995 – *В.Н. Захаров*. Подлинный Достоевский // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В.Н. Захарова. Т. I. Петрозаводск, 1995.
- Захаров 2009 – *В.Н. Захаров*. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф.М. Достоевского. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». Петрозаводск, 2009.
- Ивинский 2003 – *Д.П. Ивинский*. «Новая текстологическая программа» и «Тень Баркова» // Новое литературное обозрение. 2003. № 60.
- Измайлов 1978 – *Н.В. Измайлов*. «Медный всадник» А.С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // А.С. Пушкин. Медный всадник / Изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л., 1978.
- Измайлов 1979 – *Н.В. Измайлов*. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979.
- Каверина 2001 – *В.В. Каверина*. Прописные буквы в истории русской орфографии // Древние языки в системе университетского образования: Исследование и преподавание. М., 2001.
- Крайнева, Филатова 2008 – *Н. Крайнева, О. Филатова*. All rights reserved: к вопросу об издании незавершенных произведений (от Пушкина до Ахматовой) // Новое литературное обозрение. 2008. № 89.
- Ларионова, Фомичев 2002 – *Е.О. Ларионова, С.А. Фомичев*. Нечто о «презумпции невиновности» онегинского текста // Новый мир. 2002. № 12.
- Лефельдт 1998 – *В. Лефельдт*. Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А.С. Пушкина // Новое литературное обозрение. 1998. № 33.
- Лихачев 1964 – *Д.С. Лихачев*. Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964.
- Лихачев 1983 – *Д.С. Лихачев*. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983.
- Лихачев 1993 – *Д. Лихачев*. Тезисы доклада о старой орфографии. 1928 // Д. Лихачев. Работы ранних лет. Тверь, 1993.
- Лотман 1987 – *Ю.М. Лотман*. К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докл. науч. конф. 13–14 ноября 1987 г. Таллинн, 1987.
- Лотман 1997 – *Ю.М. Лотман*. Письма, 1940–1993 / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М., 1997.
- Лотман и др. 1981 – *Ю.М. Лотман, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский*. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
- Неклюдов 2001 – *С.Ю. Неклюдов*. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. № 4.
- Обзор 1965 – Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.
- Осипов 1992 – *Б.И. Осипов*. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
- ОТ 1962 – Основы текстологии / Под ред. В.С. Нечаевой. М., 1962.
- Панов 1990 – *М.В. Панов*. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- ПД – Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 244 (А.С. Пушкин), оп. 1.
- Перцов 2000 – *Н.В. Перцов*. О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. № 3.
- Перцов 2007 – *Н.В. Перцов*. Поэзия орфографии и орфография поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы междунар. науч. конф. М., 2007.

- Перцов 2008 – *Н.В. Перцов*. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // ВЯ. 2008. № 2.
- Перцов, Пильщиков (в печати) – *Н.В. Перцов, И.А. Пильщиков*. К текстологии стиха пушкинской эпохи // Славянский стих. IX. М. (в печати).
- Пильщиков 1997 – *И.А. Пильщиков*. Из истории русско-итальянских литературных связей (Батюшков и Тассо) // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10.
- Пильщиков 2002 – *И.А. Пильщиков*. Из истории русской тибуллианы («Сельская Элегия» Баратынского) // *Colloquia classica et indogermanica* = Классическая филология и индоевропейское языкознание. [Вып.] III. СПб., 2002.
- Пильщиков 2003 – *И.А. Пильщиков*. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003.
- Пильщиков 2004 – *И. Пильщиков*. Порядок полемики (О фантоме «новой текстологической программы») // Вопросы литературы. 2004. № 5.
- Пильщиков 2006а – *И.А. Пильщиков*. [Выступление за Круглым столом в Институте мировой культуры МГУ 3 сентября 2004 г.] // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006.
- Пильщиков 2006б – *И.А. Пильщиков*. Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: Материалы для академического комментария // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006.
- Пильщиков 2008 – *И.А. Пильщиков*. Стандарты современного филологического комментария // Комментарий исторического источника: Исследования и опыты. М., 2008.
- Прохоров 1966 – *Е.И. Прохоров*. Текстология (Принципы издания классической литературы). М., 1966.
- Прохоров 1982 – *Е.И. Прохоров*. Текстология новой русской литературы: Краткий обзор теоретических взглядов // Е.Д. Лебедева. Текстология: Вопросы теории: Указатель советских работ за 1917–1981 гг. / Науч. ред. Е.И. Прохоров. М., 1982.
- Пушкин 1820 – Руслань и Людмила, поэма в шести пьсахъ. Соч. А. Пушкина. СПб., 1820.
- Пушкин 1825 – *А. Пушкинъ*. Море и Земля // Новости литературы. Кн. XI. № 1. 1825.
- Пушкин 1826 – Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826.
- Пушкин 1829 – Стихотворения Александра Пушкина. Ч. I. СПб., 1829.
- Пушкин 1831 – Борисъ Годуновъ. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831.
- Пушкин 1836 – *А. Пушкинъ*. Путешествие въ Арзрумъ во время похода 1829 года // Современникъ. 1836. Т. I.
- Пушкин 1837 – Евгений Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. СПб., 1837.
- Пушкин 1937–1949 – *Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 1–16. [М.; Л.], 1937–1949.
- Пушкин 1978 – *А.С. Пушкин*. Медный всадник / Изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л., 1978.
- Пушкин 1997 – Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подгот. Л.С. Сидяков; отв. ред. Ю.М. Лотман, С.А. Фомичев. СПб., 1997.
- Пушкин 1999 – *А.С. Пушкин*. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1 / Ред. тома В.Э. Вацуру.
- Пушкин 2002 – *А.С. Пушкин*. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002.
- Пушкин 2007 – *Пушкин*. Поэмы и повести. Часть I [Репринт изд. 1835 г.]. М., 2007.
- Пушкин 2008 – *Пушкин*. Борис Годунов [Репринт изд. 1831 г.]. М., 2008.
- Рейсер 1970 – *С.А. Рейсер*. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
- Рак 1995/1996 – *В.Д. Рак*. Наблюдения над употреблением в текстах Пушкина окончаний «и» и «ъ» // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуру. М., 1995/1996.
- Рак, Эльзон 2004 – «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов): (Продолжение) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2004. № 2.
- РНБ – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 50 (К.Н. Батюшков). Оп. 1. Ед. хр. 11.
- САР III – Словарь Академии Российской. Ч. III. СПб., 1792.
- Семенко 1977 – *И.М. Семенко*. Примечания // К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И.М. Семенко. М., 1977.
- Сидяков 1997 – *Л.С. Сидяков*. К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830–1836 годов // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С.А. Фомичева. Новгород, 1997.

- Строганов 2002 – *М. Строганов*. По поводу статьи Б. Гаспарова «Буква как таковая» // Новое литературное обозрение. 2002. № 56.
- Томашевский 1925 – *Б. Томашевский*. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.
- Томашевский 1928 – *Б. Томашевский*. Писатель и книга: Очерк текстологии. [Л.], 1928.
- Тургенев 1980 – *И.С. Тургенев*. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М., 1980.
- ТС 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935 / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I: А–Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков.
- Успенский 2002 – *Б.А. Успенский*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Фомичев 2002 – *С. Фомичев*. Точка, точка, запятая... // Новое литературное обозрение. 2002. № 56.
- Фомичев 2003 – *С. Фомичев*. Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей: Материалы «круглого стола» 22 марта 2002 г. М., 2003.
- Харджиев 1939 – *Н. Харджиев*. Комментарии // В.В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 12 т. / Под общ. ред. Н.Н. Асеева, Л.В. Маяковской, В.О. Перцова, М.И. Серебрянского. М., 1939. Т. 1: Стихи. Поэмы. Статьи. 1912–1917 / Ред. и коммент. Н. Харджиева.
- Холшевников 1996 – *В.Е. Холшевников*. Еще раз о принципах орфографии в Академическом издании Пушкина // Русская литература. 1996. № 4.
- Чернышев 1915 – *В. Чернышев*. Законы и правила русскаго произношенія: Звуки. Формы. Сочетанія словъ: Опыт руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ. 3-е изд., пересмотр. Пг., 1915.
- Чернышев 1941 – *В.И. Чернышев*. Замечания о языке и правописании А.С. Пушкина (По поводу академического издания) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.; Л., 1941.
- Шайтанов 1987 – *И. Шайтанов*. Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) // К.Н. Батюшков. Стихотворения. М., 1987.
- Шайтанов 1989 – *И.О. Шайтанов*. Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М., 1989.
- Шапир 1994 – *М.И. Шапир*. Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопросы литературы. Вып. III. 1994.
- Шапир 1999 – *М.И. Шапир*. К текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // ВЯ. 1999. № 5.
- Шапир 2000 – *М.И. Шапир*. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Шапир 2001 – *М.И. Шапир*. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист. [Вып.] IX. М., 2001.
- Шапир 2002а – *М.И. Шапир*. Предварительные замечания [к ч. I] // А.С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002.
- Шапир 2002б – *М.И. Шапир*. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // ИАН СЛЯ. 2002. № 3.
- Шапир 2003 – *М. Шапир*. Отповедь на заданную тему (К спорам по поводу текстологии «Евгения Онегина») // Новый мир. 2003. № 4.
- Шапир 2009 – *М.И. Шапир*. Статьи о Пушкине / Сост. Т.М. Левина; изд. подгот. К.А. Головастиков, Т.М. Левина, И.А. Пильщиков; под общей ред. И.А. Пильщикова. М., 2009.
- Щерба 1957 – *Л.В. Щерба*. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба 1983 – *Л.В. Щерба*. Теория русского письма. Л., 1983.

Сведения об авторах:

Николай Викторович Перцов
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
nvpertsov@rambler.ru

Игорь Алексеевич Пильщиков
Институт мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова,
Эстонский гуманитарный институт Таллиннского университета
pilshch@mail.ru